

18+

Артём Савин

**Смерть предпочитает
убивать изнутри:
Крах невежества**

Артём Савин

**Смерть предпочитает убивать
изнутри: Крах невежества**

«Издательские решения»

Савин А. В.

Смерть предпочитает убивать изнутри: Крах невежества /
А. В. Савин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987019-3

Вы держите в руках первую книгу из серии «Смерть предпочитает убивать изнутри». За считанные дни величайшие цивилизации мира пали под натиском армий зараженных, и лишь немногие выстояли перед этим нападением. Смогут ли выжившие цивилизации объединить свои усилия и остановить неминуемую гибель? Чем готовы пожертвовать люди ради спасения? Что, если они все уже давно внутри мертвы?

ISBN 978-5-44-987019-3

© Савин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Город застывших надежд	6
Глава 2: Большой путь	31
Глава 3: Попутный ветер	43
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Смерть предпочитает убивать изнутри: Крах невежества

Артём Валерьевич Савин

Иллюстратор Мария Александровна Нестерова

Иллюстратор (обложка) Курт Ольга

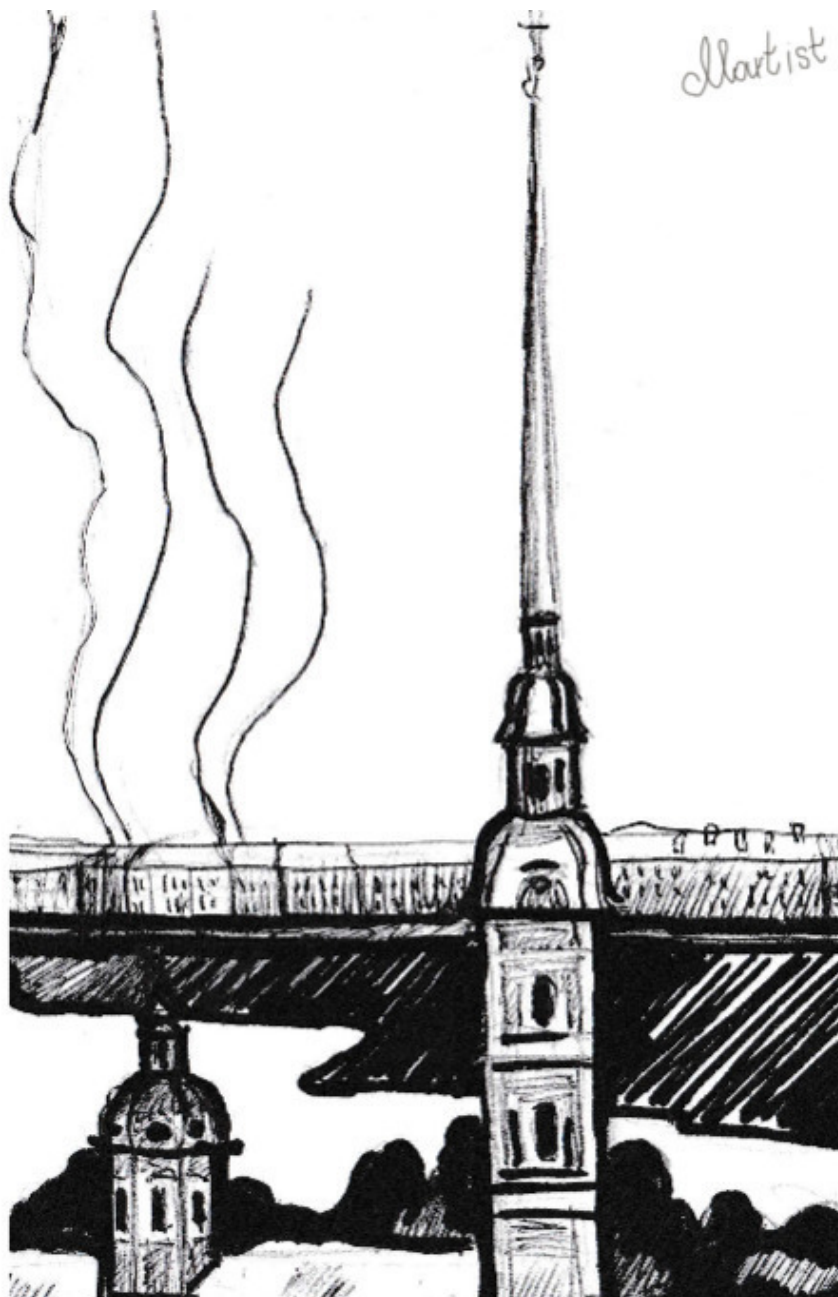
© Артём Валерьевич Савин, 2020

© Мария Александровна Нестерова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-7019-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Город застывших надежд

*И все мы не раз в своих мыслях ночами
Вернемся туда, где проживали однажды.
Туда, где жизнь мы вкусили,
Своей мыслью и кровью своей беспощадно.*

*Границам нет природы познания,
Лишь смерть остановит наш ход,
Остановит и новость печальная,
Что эту смерть приведет.*

*Нет хуже ада, что пылает у нас,
Но холод сознания его подчинит.
Запомни, мой друг, начиная сейчас,
Наш путь этот миг до конца осветит.*

Февраль. Зимнее солнце Санкт – Петербурга, свет которого проникал через окно платной клиники, только-только возшло над городом, но уже начинало клониться к закату. Я находился в коридоре больницы, где было тихо и малоллюдно. Это была платная клиника, и не каждый мог воспользоваться её услугами, но в бесплатной мне её сделать не могли.

День поздней зимы, стояла стужа, какой давно уже не было в этом городе. Добавьте к этому влажный воздух и сильные ветра Петербурга, и вы получите погоду, сравнимую с холодами Сибири. Такая она, русская зима: капризная и непостоянная. Что не скажешь о других странах северного полушария Земли, где снега уже давно стояли, отпуская города от стужи и окутывая их запахами приходящей весны.

Шел третий день проверок, и все это время я не мог найти себе места. Врачи сказали, что это был рак, и я не знал, имелась ли у меня возможность вылечиться от него. Но сегодня настал день, когда они могли дать мне более точный ответ.

Я был не первым человеком в семье, с которым произошло подобное. И надо сказать, отец делал все возможное, чтобы спасти тогда члена нашей семьи. Кто-то говорит, что такой недуг появляется из-за генов или экологии, другие утверждают, что это естественный ход эволюции, однако точная причина появления болезни до сих пор неизвестна.

В те далекие годы моя семья была самая что ни на есть обычная, разве что работа отца и матери заставляли её быть узнаваемой во многих научных кругах. Как и остальные люди в свое время, они успешно отучились в институте, а после вернулись в наш закрытый город, где начали работать в области перспективных исследований и изобретений. Вместе с командой таких же амбициозных и целеустремленных изобретателей в разных областях науки, все они работали не покладая рук, что-то изучали, пробовали и создавали. Отец среди них отличился как знаток компьютерных технологий и вычислительных систем, но помимо этого, он мог грамотно разобраться в других смежных областях науки. Мама была незаменимым членом в их команде, и на первых этапах работы проявила себя как физик в области механики, однако вскоре сменила свой проект, уйдя в другие области науки. Ученые не растерялись, и вскоре смогли реализовать множество скрытых от посторонних глаз проектов, многие из которых были приняты на вооружение. Прошли годы, родилась Аня, моя сестра, затем родился и я. Время шло, мы росли, развивались. Коллектив, в котором работал отец, продолжал приносить немалую пользу нашему городу и стране, за что эти люди прославились на всю страну.

– Пациент проходите, – сказала медсестра, прервав поток моих мыслей. Она выглянула из кабинета, где несколько дней назад начиналось мое обследование.

В помещении было намного светлее, чем в коридоре. Престарелый, усатый и с большой залысиной доктор, которого мне рекомендовали знакомые как умного специалиста, спокойно сидел и ждал моего прихода. Врач был серьезен, чего нельзя было сказать о медсестре – молодая глуповатая особа сидела в своем телефоне, водя пальцем по экрану.

– Итак, – начал доктор, протерев свои очки, – ситуация неприятная. Если в ближайшем времени не сделать операцию, то в худшем случае, до осени можете не дотянуть.

– Этого я и опасался, – ответил я расстроено и продолжил его слушать.

– Больных немного, так что мы готовы прооперировать вас в течение недели. Опухоль находится в жизненно важной части мозга, и её скорое увеличение может привести к отеку и коме в течение ближайшего месяца. Но вы можете провести экспериментальную недельную функциональную диагностику Зеленкина, дающую более широкий спектр поведения болезни. Решение оставляем за пациентом, – доктор сделал паузу, ещё раз посмотрев на анализы,

а потом добавил, глядя на меня сквозь свои очки: – после исследования приходите снова и мы решим, что делать дальше. Оплата по чеку в удобное для вас время.

– Операции будет достаточно, чтобы я полностью излечился от недуга? – спросил я обеспокоенно.

– Сложно сказать, – продолжил доктор. – Тут сейчас стоит вопрос больше о продолжительности жизни, а не об излечении. Хирургическое вмешательство и курс химиотерапии позволит вам прожить пять лет, может и больше. А вот насчет полного излечения, – приостановился доктор, протягивая последнее слово, а затем снова взглянул на снимки и продолжил, – весьма маловероятно. Здесь отчетливо видна одна метастаза в районе позвоночника, без полного курса химиотерапии, боюсь, в течении года она может повредить нерв, и вы рискуете потерять способность ходить на своих ногах.

– Боже, – проговорил я, всхлипывая. – Почему же все так...

– В любом случае, надейтесь на лучшее. Вы молодой растущий организм, быть может переборете эту болезнь так, что и следов не останется. Ну а если нет... – протянул немного доктор. – Человек рождается и умирает, кто-то раньше, кто-то позже. Это неизбежный биологический процесс. В вашем случае конец будет более определен.

Мы обговорили ещё несколько моментов. Я ответил, что мне надо подумать насчет этой недельной диагностики, на что врач мне сказал, что у меня ещё есть время до завтра, поскольку решение нужно было принимать срочно. Также мне прописали мне пить таблетки, благодаря которым я не должен был терять сознания и мог чувствовать себя лучше, а затем я покинул больницу. Чек, что странно, мне выписали с учетом большой предоплатой государством, хотя такие деньги из бюджета всегда поступали только семьям военных. Этот вопрос я оставил без внимания и поспешил удалиться из холодного и серого больничного здания.

Температура воздуха стремительно падала, солнце медленно заплывало за горизонт, озаряя небо фиолетово-малиновыми оттенками. С противоположной стороны неба от солнца стали набегать тучи белого цвета, которые несли на себе очередную порцию снега, запуская позднюю зиму ещё сильнее. Я шел по улице, и на душе будто бы все заledenело.

«Сообщать родным или все-таки нет?», – размышлял я, пока двигался домой. – «Надо им все-таки рассказать, таких больших денег, хоть и со скидкой, у меня не найдется. Вот только когда им сообщить...».

Внезапный поток мысли прервал неожиданный звонок.

– Привет, Саш! – поприветствовал я своего питерского друга и продолжил идти к наметенной цели.

– Привет! – ответил он оживленно. – Представляешь? Она согласилась! – вскрикнул он от радости.

– А ты сомневался? – поддержал я друга слегка улыбнувшись. При каждом слове от моего рта поднимались густые клубы пара и устремлялись вверх. – Вы так долго встречались с Лизой, неужели ты думал, что она скажет нет?

– Ну мало ли, – ответил он протяжно. – Сначала ответила, что ей надо подумать, мол, потом даст ответ. А я вот несколько суток не спал, нервничал все, места себе не находил. И мое тревожное ожидание, наконец, закончилось. Она согласна!

– Это очень здорово. Только вот не ты один страдал бессонными ночами, – проговорил я пессимистичным голосом и вздохнул.

– Что случилось? – спросил он слегка обеспокоенно.

– Недавно в обморок упал, а потом ещё несколько раз. Привезли в больницу, провели кучу обследований, прописали какое-то дорогое лекарство. Только сегодня узнал причину. В общем, у меня онкология, – проговорил я и нервно сглотнул.

– Онкология? – проговорил он голосом, медленно деревенеющим от чувства тревоги. – Как так получилось? Ты же не курил, не перебарщивал с алкоголем, вел здоровый образ жизни. А что говорят врачи? Это излечимо? Их же сейчас лечат.

– В одних местах вылечивают, в других – только симптомы снимают, – проговорил я расстроено. – Опухоль резать надо, а потом ещё курс химиотерапии.

– И этого должно хватить? – спросил он с надеждой в голосе.

– Чтобы прожить пять лет – да. Но не больше.

– И неужели с этим ничего нельзя поделать? Я в это не верю, – сказал он резко.

– Можно попробовать обследование в аппарате Зеленкина. Я пролежу неделю в состоянии искусственной комы, но по результатам обследования врачи смогут воздействовать на опухоль и некоторые метастазы более эффективно. Я думаю воспользоваться этим аппаратом, пока очереди нет.

– Да, обязательно воспользуйся! – поддержал он. – Надо использовать любые возможности и руки ни за что не опускать, понял меня?

– Угу, – ответил я.

– Все будет хорошо! Вот увидишь, на моей и на твоей свадьбе загуляем, – снова поддержал он. – А родители? Они что говорят?

– Я пока не рассказывал им об этом, – вымолвил я с досадой.

– А по-моему, эти люди должны быть первыми, кому следует поведать об этом. Поговори с ними, может они что ещё предложат.

– Хорошо, – согласился с ним я.

Все то время, что я двигался домой, я не мог оторваться от общения с Сашей. Мы делились мыслями, переживаниями, мнениями и впечатлениями о пройденном или увиденном. И словно чувствуя каждую мою тревожную каплю в голосе, он перебивал меня и неустанно повторял: «Все будет хорошо, надо бороться за жизнь. Удача благоволит трудолюбивым». Вот она – настоящая дружба, которая проверяется неприятностями, невзгодами и взаимодоверием, а не деньгами и связями, как это часто стало проявляться в нынешних реалиях.

Я зашел в подъезд, когда на улице началась метель. Войдя в свою съемную квартиру, холодную и пустую, я повесил верхнюю одежду на вешалку и направился на кухню. Окна и двери здесь были старыми и не плотно закрывались, поэтому сквозь них постоянно просачивался ветер, отчего я все время слышал протяжное и пугающее завывание. Я бы и рад был сделать ремонт, но хозяйка была принципиально против.

Расположив чайник на плите, я включил газ, а после расположился за столом, ожидая скорого чаепития. Взяв телефон в руки, я решил позвонить родителям и наконец рассказать им обо всем, что со мной случилось. Но мне никак не хватало смелости сделать этого, и чтобы хоть как-то отвлечься от неприятных мыслей я начал читать новости.

«Новый ледниковый период – правда или вымысел?», – начинался заголовок одной статьи. – «Ученые считают, что глобальное потепление во всем мире является предпосылкой к возникновению ледникового периода, который может начаться в ближайшем десятилетии. Связано это в первую очередь с таянием ледника, ослаблением течения Гольфстрима и наличием большого количества парниковых газов в атмосфере. Экологи бьют тревогу: большой процент мусора в мировом океане может привести к нарушению экосистемы всей планеты. За минувшие пять лет погибло свыше десяти тысяч видов растительной и животной природы под водами океана из-за влияния человека и его мусора».

«Новейшее лекарство человечества – стволовые клетки – в скором времени планируется испытания в отдельно взятых лабораториях. Технологически планируется передавать клетки по воздуху», – далее идут рисунки, схематические чертежи, фотографии установок, которые запустят их в воздух. «Клетки обладают сверхживучестью и приспособляемостью, поэтому наибольший процент выживших клеток в условиях окружающей среды успевает достигнуть чело-

веческого организма. Если быть точнее, клетки сначала попадают в мозг. Потом они встраиваются в нервную структуру организма и точно так же, как и другие ткани и органы, получают сигнал из мозга. Приняв команду, они передают указания другим своим стволовым клеткам устремляться в поврежденные участки ткани и регенерировать их». А потом споры и мнения в сети: «Россия заслуживает участия в проекте – технология была украдена, весь мир это знает; запуск клеток может привести к непредвиденным инцидентам; далеко не все свойства изучены», и так далее.

Я убрал телефон в сторону и глубоко вздохнул. Неприятно жить в мире, где на твоих идеях наживаются воры, называя их своими. Злишься, психуешь, не можешь перестать думать об этом, а потом появляются различные проблемы со здоровьем и психикой – ещё один прекрасный бизнес для некоторых платных клиник. Неприятен был и тот факт, что все эти разработки начинались в месте, где я родился и вырос.

ЗАТО¹ Синевой – моя малая родина. Каждый житель города ЗАТО знал, для чего и зачем закладывали эти города в то непростое советское время, когда шла гонка вооружений и главным её аргументом было, есть и будет ядерное оружие.

В то время, когда я был ещё ребенком, компания изобретателей пришла к одной никем ещё не реализованной идее – к быстро развивающимся стволовым клеткам. Основной замысел заключался в том, что они должны молниеносно регенерировать ранение любой степени тяжести, восстанавливать поврежденные ткани и органы, устранять раковые клетки. У современных же стволовых клеток было два серьезных недостатка: их скорость и их стоимость. Команда изобретателей в течение нескольких лет писали химические, генетические формулы, проводили расчеты на компьютерах, ставили эксперименты и опыты, искали пути решений и возможности. Прошло много лет с тех пор, результат был почти готов. Но за два месяца перед финальной презентацией и отчетом о проделанной работе, технология была нагло украдена, а все сведения о ней уничтожены. Чуть позже выяснилось, кто это сделал: давний знакомый отца Грейстоун. Он все время испытывал не то зависть, не то ненависть к нему и однажды продался некоторому кругу людей, заплатил наемникам и продажным людям, которые помогли ему в проведении всех его мероприятий. Беззаконными рейдами и всего за сутки они успешно штурмовали сначала дома изобретателей, а затем и сам исследовательский центр в поисках сведений. Их результатом стала кража и уничтожение любой информации об этих клетках, а также смерть тридцати невинных людей. Город был небольшой, по нему быстро разнеслись слухи, что и кто натворил, да ещё и в таком огромном масштабе. Семьи и друзья изобретателей шли толпами в прокуратуру, но там качали головой, приговаривая, что никого не видели. Так и ушел он, безнаказанным и бесчестным, сначала из города, а затем из страны вообще. Ни для кого не было секретом, что он продал эту технологию другим лицам и организациям, которые сразу же стали действовать на благо своих целей, ибо для Грейстоуна это всего лишь набор цифр и текста, а также способ заработка.

К тому времени, когда прокуратура и руководство опомнились, что произошло, было уже поздно. В те дни ситуация прогремела на всю страну, произошедшее назвали «Зацветшей резней», и мало кто не слышал об этом не только у нас, но и во всем мире тоже.

Вибрация телефона заставила меня вернуться в реальность. Смс от мамы: «Давно не слышали тебя, как твои дела? Мы уехали по делам, вернемся в город завтра к вечеру. Папка твой секретик маленький рассказал. Его команда – все, кто остались – снова собрались, теперь уже неофициально. Все молчат, никому ничего не говорят. Опять что-то изобретательское делать начали. Надеемся, что после учебы вернешься к нам. Ладно, завтра позвоним, расскажем все. Мы без связи».

¹ ЗАТО – Закрытое административно-территориальное образование.

И снова грусть навалилась на меня. Опять все старые лица, все старые события, которые меня никак не отпускали, стояли здесь, у меня перед глазами. Нервный стресс, плохие воспоминания, напряжение – все это и привело меня к такому неблагоприятному диагнозу.

Чайник вскипел, я заварил чай и сел обратно за стол. Отхлебнув пару раз из кружки в какой-то момент я вдруг вспомнил, как отец рассказывал однажды за столом о своей работе. С того дня, когда мама сменила свой проект, это был первый разговор о результатах его работы. В лаборатории находилось пятьдесят крыс, которым вводили сыворотку с клетками. Результаты были интригующими: половина крыс полностью излечилась от ранений, полученных экспериментальным путем, двадцать четыре штуки умерло из-за различных патологий, а оставшиеся одна – видоизменилась, эволюционировала. Её лапы стали большими и когтистыми, так что она могла сломать прутья клетки и убежать. Ученые вовремя это заметили и попытались усыпить её, но она не реагировала ни на один препарат. Предприняв другой подход, ученые смогли её все-таки убить. Вскрытие показало, что внутренняя структура органов и тканей начала радикально меняться. Видоизмененная ткань создавала такие же клетки, как и те, что её породили. Почему эта сыворотка так на неё повлияла? Каковы могли быть последствия такого перерождения? Со временем такой процент поведения клеток свели к нулю. Из-за этого инцидента разработчики отказались от переноса клеток по воздуху, опасаясь их непредсказуемости и повторения результата, который мог привести к страшным мутациям и эпидемии.

Я просидел до десяти вечера, начались головные боли. Доктор предупреждал, что могут быть спазмы, иногда тошнота, галлюцинации и приступы. Чтобы последствия меньше тревожили меня, врач приказал быть более спокойным, не голодать, а ещё много спать и своевременно принимать лекарство.

Сытно поужинав, я начал готовиться ко сну. Так как некоторое время я страдал бессонницей, доктор прописал ещё мощное снотворное. Приняв его и лекарство, я лег и сразу же уснул.

На следующий день, я пришел в онкологическое отделение. Оно располагалось недалеко от моего дома, буквально в двух кварталах от него на соседней, параллельно идущей, улице.

Доктора провели меня в небольшую одноместную палату, которая располагалась на третьем этаже отделения. Осматривая комнату, я увидел в углу встроенный шкаф для верхней одежды, вместо кровати здесь располагался длинной около двух с половиной метров лежак необычной формы, рядом с ним находился стол с компьютером и аппаратурой. Лежак, на котором должен был располагаться человек, ограждался бортиками с левой и правой стороны. В передней и задней части располагались некие механизмы, которые, вероятно, держали голову и ноги человека, который будет там находиться. Также над передней частью размещалось защитное стекло, которое герметично закрывало человека внутри, делая среду обитания замкнутой и полностью регулируемой в плане подачи кислорода и тепла. Снизу располагалась большая аккумуляторная батарея, вероятно, на случай отключения от электричества. Ещё слева находилась капельница с различными бутылками и веществами, полностью обслуживаемыми автоматикой. Вся эта аппаратура вместе со странным лежаком и бутылками именовалась как «Аппарат Зеленкина». Основная задача аппарата заключалась в сборе данных о человеке в течение недели, о его реакции на различные вмешательства, на смену условий среды и состава вводимых веществ, анализируя в конечном итоге поведение опухоли и её метастаз.

Пройдя все смежные процедуры, я разделся до нижнего белья и расположился внутри капсулы. Врачи вставили мне специальную иглу в вену и подсоединили её к механизму, который должен был закачивать различные вещества. После, они закрепили датчики, приборчики и присоски к моей грудной клетке и голове. Я молча лежал в аппарате, наблюдая за всеми действиями врачей, и тихо ненавидел себя за трусость, ведь мне так и не хватило смелости рассказать родителям о своей проблеме.

Защитное стекло закрылось, спина почувствовала легкое тепло снизу, а в глазах начал появляться странный туман и отчуждение мысли. Лица, объекты в комнате, стали размываться, пока полностью не потемнели, вокруг все стало тихим и несущественным.

Холодно, что-то неприятно свербило в правой руке. Сквозь тишину и умиротворение сна стал просачиваться противный, периодически повторяющийся писк. Тяжелые, словно чугунные, мои глаза начали открываться и, проморгавшись, я окончательно начал различать свое окружение.

В комнате стоял полный мрак, лишь свечение от аппаратуры немного освещало палату. Стекло было поднято, значит диагностика завершена, но врачей вокруг не наблюдалось. Более того – в окошке, ведущем в коридор, тоже было темно и подозрительно тихо.

– Врач, доктор. Эй, кто-нибудь, мне нужна помощь, – говорил я громко. Но по истечении пяти минут никто так и не появился.

Мне стало не по себе, поэтому, не дожидаясь врача, я самостоятельно отсоединил капельницу, снял с себя все приборы и начал медленно садиться. В этот момент времени моя голова сильно закружилась, в глазах все засверкало, отчего я чуть не повалился назад. Помогая себе своими руками мне, наконец, удалось устойчиво сесть на пятую точку, и через некоторое время спокойного сидения неприятный гул и головокружение стали проходить. Я попробовал встать на ноги, но эффект вернулся вновь, и я опустился назад на койку. В ногах была страшная усталость, словно они были накачаны ватой, поскольку остатки вещества все ещё действовали. Вдобавок ко всему в конечностях был определенный застой крови, обусловленный неделями лежачего безактивного состояния, так что мне требовалось время на её разгон и активность всего организма. Я вытянул ноги вперед, и принялся активно ими шевелить, чтобы моя кровь в ногах потекла немного интенсивнее. Спустя ещё с десятков минут шевеление в ногах было уже более уверенным, и наконец, с небольшим головокружением, мне удалось встать на ноги. После небольшой зарядки, я накинул на себя привычную мне форму одежды: футболку, джинсы, толстовку и часы, которые подарили мне после службы на границе. Дабы прекратить противный писк, я выключил будильник на компьютере, поскольку в технике и различных механизмах я разбирался вполне сносно. Выключая будильник я также взглянул на служебную информацию и был неприятно удивлен. На мониторе было написано, что аппарат отключен от основного питания около четырёх дней назад, и все это время работал на аккумуляторах без подзарядки. Более того, автоматика сообщала мне, что нет соединения с центральным сервером, и все результаты были записаны на флеш-носитель, а также распечатаны на принтере. Свет не работал, электричества не было в этой комнате и, возможно, во всей больнице, не было интернет соединения, а также полностью отсутствовали люди, и я понял, что во всем городе случилось что-то страшное.

Я выглянул в окно. Моему взгляду представилась пустая улица, замеченная глубоким снегом. Свет в окнах нигде не горел, на улицах стояла полная тишина, а людей поблизости не было. Складывалось впечатление, что человечество в городе полностью вымерло или просто ушло.

Решив с кем-то связаться, я включил сотовый телефон и начал проверять последние оповещения. Никаких смс и звонков за прошедшую неделю не поступало, в том числе и обещанный звонок от родителей. Связи тоже не было, экстренные звонки в различные службы не проходили.

«Что же произошло?», – начал я рассуждать. – «Может, война? Всех эвакуировали, увезли. Но чтобы за одну неделю войны бросить город, да ещё в такой спешке... Даже если бы

и бросили, то почему не проходят звонки? Где все и почему меня никто не эвакуировал?», – размышлял я.

Некоторое время спустя я пришел к выводу, что в ближайшее время было необходимо добраться до дома, собрать какую-либо часть вещей, а затем забраться на крышу высотного здания и осмотреться. Может, люди где-то и были, но в другом месте. В противном случае был смысл просто дойти до другого конца города и узнать, как там обстоят дела.

Полностью одевшись, я подошел к двери и несколько раз толкнул её, чтобы открыть, но она не поддавалась. Я глянул в дверное окно и увидел, что снаружи вход был завален носилками и небольшим количеством мебели. Также в самом коридоре, куда выходила дверь, царил страшный погром: куча разбросанных вещей, мусора, тряпок, мебели. Никогда ещё мне не приходилось испытывать страх к темноте, но это место просто вымораживало своей атмосферой, отсутствием людей и адским разгромом. Применяв силу, мне наконец удалось приоткрыть дверь так, чтобы моё тело смогло протиснуться в коридор, из-за чего с грохотом посыпалась вся построенная баррикада. Когда все предметы перестали двигаться, мертвая тишина вернулась вновь, и я наконец смог покинуть свою палату.

Используя телефон в качестве источника света, я начал двигаться к лестнице, осторожно обходя мусор и баррикады, встречающиеся у меня на пути. В свете телефона масштабы погрома казались ещё более пугающими, но все это было практически ничем в сравнении с тем, что я увидел на лестничной площадке. Она была завалена ещё более огромным количеством каталок, носилок, столами и хламом, словно это была баррикада, сделанная на скорую руку с перспективой защиты от чего-то, что могло добраться до верхнего этажа по лестнице. Завал был настолько большим, что я решил не рисковать идти по нему. Вместо этого я начал размышлять на тему того, как мне можно было покинуть это здание более безопасным путем. Логика подсказала мне, что наличие баррикады могло также свидетельствовать и о том, что на этом этаже – а он был последним – могли укрываться люди, которые их и соорудили. Для этого я решил обыскать все комнаты этажа, попутно зовя людей и ища другой, более безопасный путь наружу.

Отделение было небольшим. Как оказалось, на последнем этаже располагались в основном, хирургические палаты и лаборатория забора крови. В одном из последних помещений, из которого сквозило холодом, я встретил тела мертвых людей, занесенных снегом примерно по пояс. Все трое лежали возле окна, в голове каждого светилась дыра от пушечного выстрела, который был сделан в упор. Одно окно было разбито, вероятно, из-за пули, которая прошла сквозь человека и попала в стекло. По всей видимости, эти люди перестреляли друг друга или застрелились сами, но на каких основаниях они это сделали, было для меня загадкой.

С каждым шагом в голове становилось все больше и больше вопросов. Складывалось впечатление, что я уснул в одном мире, а очутился совсем в другом, непонятном пока для меня. И мне бы очень хотелось вернуться обратно в свой, только я не знал как.

Из разбитого окна подул резкий холодный ветер, из-за которого я немного пошатнулся от легкой слабости. Ветер зашевелил остатки мусора в больнице, прогреготал ими, отчего мне стало ещё страшнее.

Я плотно закрыл помещение и направился исследовать этаж дальше, но более ничего особенного, кроме очередных груд мусора, я не нашел, а другие лестницы также были забаррикадированы. Идти через такие преграды на лестницах – занятие весьма опасное, поэтому я ещё раз пробежался по комнатам в поисках возможного пути к спасению. Путь привел меня обратно в помещение, где лежали мертвые люди, и за окном же я увидел свой, вероятно, единственный выход – старую пожарную лестницу.

«Если я соскользну, надеюсь, снег внизу окажется достаточно глубоким, чтобы смягчить мое падение», – пронеслось в голове. – «А вот пистолет может мне пригодиться», – сверкнула новая мысль, когда мой взгляд упал на зажатое в руке мертвеца оружие. Переступая через

отвращение и ощущение аморальности по отношению к обыску мертвых людей, я нащупал пистолет Макарова и выдернул его из рук мертвеца. Щелкнув затвором пистолета, я проверил его работоспособность и наличие патронов в магазине, благо в прошлом уже был опыт в стрельбе и обращении с оружием.

Найдя металлическую палку – часть железной кровати – я полностью освободил окно от осколков стекла, а затем осторожно перелез через подоконник, свесив ноги, и глянул вниз. «Хоть и пятый этаж, но вот падать будет больно», – мелькнула тревожная мысль в голове. Проверив одной рукой, что лестница не скользкая и не развалится, я ухватился за неё второй, подтянулся и встал ногами. Нервно, трясущимися от страха руками, я начал перехватываться, медленно и осторожно спускаясь вниз. Каждый шаг я делал с крайней степенью осторожности, пока через пять минут нога не ощутила, что ступеньки лестницы закончились, и я спрыгнул вниз, провалившись по пояс в снег.

Путь домой был тяжким. Приходилось прикладывать большие усилия, чтобы сделать хотя бы один шаг, двигаясь по глубокому снегу. Все это время я внимательно осматривал проезжую часть, на которой располагались занесенные снегом автомобили с открытыми окнами и разбитыми стеклами. Под снегом то и дело мне попадался механический мусор, от каждого прикосновения я нервно вздрагивал, но благо мертвые люди мне не попались.

В подъезде моего дома было пусто, безлюдно и тихо. Зайдя в квартиру, я присел немного, и ещё раз все обдумав, начал собирать свои наиболее важные вещи. Раскрыв сумку, я положил туда свой компьютер, кучу вещей и одежды, взял нож, который мне подарил когда-то мой дед, и немного консервированной еды. Что не менее важно, взял с собой лекарство, снимающие симптомы моего недуга, а когда начал застегивать сумку, то услышал доносящийся со стороны улицы громкий гул двигателя. Я подбежал к окну и принялся наблюдать, как по улице, оставляя четкий и красивый гусеничный след на снегу и пуская густой черный дым, ехал танк. Машина двигалась быстро, сохраняя направление своего пути по середине дороги. Но, вскоре, танк резко ускорился, его повело в сторону, после он врезался в небольшой ларек, остановился и заглох.

«Наконец! Живые люди! Но что с ними могло произойти, раз танк так странно себя повел. Стоит подойти к ним как можно быстрее, пока они не уехали без меня».

Взяв с собой своё снаряжение, я пулей вылетел на улицу и добежал до танка. Запрыгнув на башню, я несколько раз постучал по люку, ожидая действий со стороны экипажа.

– Эй, впустите меня! Я здесь один! – проговорил я отчаянно.

Внутри танка началось какое-то движение и шум, однако вскоре все стило и люк продолжал оставаться закрытым, поэтому я решил открыть его самостоятельно. Потратив ещё немного времени я понял, что и это занятие было бесполезным: на люке отсутствовали какие-либо ручки или рычаги, чтобы можно было это сделать. Не зная, что делать дальше, я молча уселся и принялся ждать, пока экипаж самостоятельно мне не откроет.

Внезапно люк открылся, из тьмы танка вылезло дуло пистолета и направилось прямо на меня:

– Ты кто такой, как тут оказался? – начал со мной диалог непонятный силуэт.

– Я... я не понимаю, что вообще происходит, – испуганно ответил я и поднял руки вверх, опасаясь нападения человека. – Где все люди? Почему никого нет? И зачем вы на меня наставили свое оружие? Я не бандит.

– Бред какой-то... – покачал силуэт своей головой. – Кого смогли – уже давно эвакуировали на север города. Небось, мародерничаете тут втихаря? – надавил он на меня агрессивно.

– Я на диагностике Зеленкина лежал. Не слышали разве о такой? – спросил я и, не дождавшись ответа, продолжил. – Лучше вы объясните, что происходит? Война? Революция?

В воздухе повисла пауза, а затем человек продолжил:

– Тебя никто не кусал? – спросил он.

– Да вроде нет, – ответил я неуверенно. – Эпидемия бешенства?

– Ладно, залезай, – сказал он, проигнорировав мой вопрос. – Но увижу, что чудное удумаешь – получишь пулю в лоб! – закончил силуэт.

Дуло скрылось во тьме брюха боевой машины, зажегся свет.

В свете танка внутри было видно, что человек, направлявший на меня пистолет, имел серьезные раны. Его ноги и тело в некоторых местах были усеяны глубокими ранениями и укусами, вероятно, оставленными какими-то дикими животными. В другом конце танка лежал труп человека, и под ним медленно растекалась кровь.

– И долго тебя ждать? Закрывай люк с этой или с другой стороны, – сказал мужик психованным, дёрганым голосом, отвлекая меня от моих размышлений.

Услышав речь человека, я опомнился и залез внутрь, закрывая за собой люк.

– А почему он... мертв? – задал я вопрос, заостря внимание на теле мертвого человека. От незнакомца веяло опасностью, рука машинально потянулась за пазуху, где находился мой пистолет.

– А, Федя... Он скрыл от нас, что его укусили, – заговорил раненный танкист уже более спокойным, но расстроенным голосом. – Пока мы ехали к точке встречи, он обратился и напал на меня. С ножом, да ещё и покусал в двух местах. Из-за Феди я получил раны, но мне это не помешало остановить его. Похоже недолго мне осталось, теперь тоже скоро обращусь... – сказал танкист со вздохом.

– Как это, обратился? – спросил я, осознав, что танкист не психопат, и расслабил руку.

– Видимо, ты говорил на полном серьезе, – проговорил собеседник. – Он стал зараженным, потерял контроль над собой. – В моей сумке находилась связка бинтов, я передал её попутчику, догадываясь, что тому необходимо организовать первую помощь. Танкист поблагодарил меня, начал плотно забинтовывать ноги, немного морщась от боли и попутно продолжал свой рассказ. – Видишь ли, случилась эпидемия. На западе, в США, да и вообще в мире экспериментировали с микробиологией – мол, лекарство от всех бед, прорыв в науке. А вирус изменился, начал заражать и убивать всех подряд, причем очень быстро. Болезнь молниеносно распространилась по воздуху, заразив теплые и дождливые регионы. А у нас он не выжил в воздухе из-за сильных холодов, и вирус начал использовать человека как носителя, полностью захватывая его разум под свой контроль вместо простого убийства. Поэтому, зараженные толпами стали приходить в холодные замерзшие города, чтобы найти и заразить всех оставшихся людей.

– В смысле пришли? То есть, догадались, что мы не заболели и пошли на нас нападать? – спросил я попутчика.

– Поговаривают, болезнь разумна, способна самостоятельно принимать решения, отчего мы сейчас и проигрываем, – подчеркнул он, заканчивая перевязку ног. – Уж слишком они тактически верно занимают позиции и атакуют слабые места в нашей обороне. И количеством берут. Огромным количеством.

– А как же остальной мир? Германия, Франция, Австралия? – спросил я.

– Они молчат. Поначалу, северные страны, вроде Норвегии, Исландии, тоже сопротивлялись, но все равно смолкли. Хотя нет, Норвегия со Швецией ещё сопротивляются, – поправился собеседник. – В общем, никто не знает, что произошло на других концах земного шара, и как военная техника смогла проиграть бой мутантам. Похожи, только мы и остались. И, к сожалению, многие наши города тоже затихли: Владивосток, Краснодар, Челябинск... Вроде даже эвакуацию хотели сделать, да вот не успели. Прилетели, а там живых больше не было, одни мутанты бродят и трупы везде, – приостановил рассказ танкист, вколов порцию обезболивающего. – Я уже сказал, что вирус погибает на холоде, но чтобы ему выжить, он должен

находиться в теле человека, понимаешь? Должен сидеть внутри нас. Оттого и надо избегать контакта с зараженными. Мол, укусит тебя такой и все, через два-три часа обратишься.

– Ладно, хорошо, – подытожил я. – А куда вы направлялись?

– Мы из третьего танкового батальона, направлялись по приказу к общему месту сбора.

– Батальон? А остальные танки где?

– Мы и есть батальон, – молвил он. – Ты не ослышался, один батальон – один танк.

– Как вас много, – заметил я. – А там, куда мы направляемся, я смогу дозвониться до своих родных, которые живут на Урале? – спросил я у танкиста, сохраняя надежду на лучшее.

– Урала больше нет. Если у тебя там были родные, то им уже не помочь.

В сердце нервно екнуло. «Неужели, я теперь остался совсем один?» – пронеслась грустная мысль у меня в голове.

Не хватало мне ещё остаться без родных, с такими навалившимися проблемами. В общем, хуже уже быть не могло: больной раком человек сидел в танке посреди зараженного города с попутчиком, который скоро присоединится к армии мертвецов.

– Жалко, знания моего отца могли бы нам пригодиться, – сказал я расстроено.

– В каком плане?

– На самом деле, эту технологию разрабатывали у нас, если говорить прямо. Мой отец был участником этого проекта, – ответил я. – У него должны были остаться записи. Если я свяжусь с ним, то он может дать информацию.

Танкист посмотрел на меня широко раскрытыми глазами, как на кого-то знакомого, но давно забытого человека, и никак не мог вспомнить, где же он его видел. Через минуты размышления, он решил спросить меня:

– Подожди, не твоя ли семья участвовала в разбирательстве «Зацветшая резня», которое произошло несколько лет назад?

– Участвовала, – подтвердил я слова человека. – Кто-то остался без работы и средств к существованию, а кто-то лишился родных и друзей.

– А это заражение вокруг может иметь отношение к технологиям, что у вас разрабатывали? – поинтересовался попутчик.

– Скорее всего да. По моим воспоминаниям отец с его командой разработчиков получали похожие результаты, но в лаборатории и под контролем ученых. Однако другие ученые, что продолжили работать с нашей разработкой после «Зацветшей резни», похоже не знали всех особенностей. Вот все и вышло из-под контроля.

– Так, это уже куда интереснее, – проговорил танкист, заметно оживившись, а затем дополз до места командира, включил рацию и надел наушники:

– Полковник, говорит лейтенант Митрохин... да, полковник... Нет, стоим. Наводчик обратился, заразил меня... Нет, я не на ходу, ноги не работают, ранены сильно. Тут такое дело, полковник... Сидит тут попутчик, который был жертвой по делу «Зацветшая резня», рассказывает мне некоторые факты об украденной технологи... Нет, полковник, не врет он, я уже видел его лицо. Не знаю, как он смог оказаться тут, в Питере. В общем, он может раздобыть информацию о том, как победить заразу... Да, точно, я узнал его. Можете сами взглянуть, – танкист включил маленькую камеру и повернул её в мою сторону, а затем выключил и после долгой паузы и продолжил: – Да... Да, хорошо товарищ полковник, понял... До связи.

Митрохин снял наушники и продолжил разговор со мной:

– Не знаю, что за совпадения такие, но полковник тебя откуда-то знает и подтвердил твои слова. Теперь наша задача сводится к тому, чтобы довести тебя до Петропавловской крепости, где расположен временный штаб. Проблема в том, что я теперь не смогу управлять танком, так как скоро обращусь. Придется в быстром режиме научить тебя управлять им вместо меня.

По инициативе Митрохина мы упаковали Федора в мешок и привязали его в задней части танка. Лейтенант заметно приуныл, но в его глазах ещё блеснул огонь надежды.

Попутчик объяснил мне буквально на пальцах как надо было управлять техникой. Хорошо, мои технические мозги понимали все это с полуслова, а навык езды на автомобиле ещё не пропал. Митрохин умудрился объяснить все это буквально за пятнадцать минут, а потом добавил:

– ...и напоследок: здесь стоит автоматическая коробка передач, но можно включить принудительно пониженную передачу, чтобы проехать сложный разъезд. Например, когда будем переезжать трамваи. Не забывай, Питерские дороги сейчас завалены машинами и прочим транспортом и хрен его знает, что там под снегом ещё может лежать, – попутчик задумался на минуту, а затем продолжил: – Теперь самое важное. Пистолет, как я заметил, у тебя уже есть, но возьми ещё и мой. Когда я обращусь... Даже когда заметишь, что я буду себя вести как-то странно, издавать звуки или что-нибудь ещё – стреляй. Лучше в голову, чтобы наверняка и без мучений. Не хочу быть одним из тех уродов хотя бы одну минуту. – Митрохин затих, призадумался о чем-то, а потом взглянул на меня и продолжил. – Грустно осознавать, что тебе остается жить не более трех часов, а ты после себя даже ничего и не оставил.

– Человек рождается и умирает, кто-то раньше, кто-то позже. Это неизбежный биологический процесс. Ваш конец будет более определен, – процитировал я слова доктора.

– Тогда точно не стоит сидеть и тратить время просто так – сказал Митрохин, затем пополз и снова уселся на место командира-наводчика.

В танке нового поколения было всего два члена экипажа: механик-водитель и наводчик-командир. Здесь использовался автомат заряжания, поэтому надобность в заряжающем полностью отпала. Также разработчики объединили задачи наводчика и командира, заменяя две роли на одну – наводчика-командира. Удалось это сделать благодаря тому, что в качестве системы управления танком начали использовать удобные джойстики с рулями.

Я надел шлемофон, с помощью которого можно было общаться с Митрохиным во время движения танка. Ещё раз все обсудив, мы решили двинуться в путь, к Троицкому мосту, который соединяет нашу часть суши с Петроградской стороной Питера.

Зажглись три монитора. Левая, передняя и правая камера давали мне полный обзор вперед и в стороны, а при необходимости можно перенастроить камеру и взглянуть назад. Щелчок выключателем, и двигатель танка завелся, издавая рев двух тысяч лошадиных сил.

– погоди, дай ему немного прогреться, – раздалось из моего шлемофона.

Не прошло и пяти минут, как на экранах стали мелькать силуэты. Их было порядка пяти – десяти человекоподобных существ и появлялись они из подъездов домов, магазинчиков и разных закоулков. Их явно интересовала наша машина, и они целенаправленно двигались к ней, однако глубокий снег не давал им это делать быстро.

– Я полагаю, это и есть зараженные? – спросил я Митрохина через шлемофон

– Именно. Услышали гул мотора. Поехали, пока их не набежала целая туча.

Джойстик медленно наклонился вперед. Увеличилось количество оборотов, двигатель стал работать громче, и машина медленно двинулась вперед. Набравшись больше энтузиазма, я наклонил рычаг сильнее, от чего машина неожиданно разогналась сразу до тридцати километров в час, выехав на середину бульвара. Глубокий снег такому зверю был не помехой, стоило только опасаться крупного мусора под снегом, который мог причинить ущерб гусеницам машины.

Парочке зараженных удалось приблизиться к танку и несколько раз укусить и ударить стального зверя, не понимая, что это вовсе не живое существо. Мы несколько не обратили на них внимание, и продолжили разгон, пока все зараженные не остались далеко позади.

Через некоторое время мы выехали на улицу Типанова, а затем и на безлюдный и полупустой Московский проспект – прямая дорога к центру и Сенной площади.

Недалеко от центра нам начали встречаться «пробки» из машин, занесенные снегом, объехать которые не представлялось возможным. Наш танк беспроblemно переезжал их и двигался дальше.

Все то время, что мы ехали, я рассматривал город и приходил в ужас от того, что с ним стало. Разбитые витрины, брошенные машины, сгоревшие дома – все это было лишь каплей в море по сравнению с тем, что мы увидели на Сенной площади, когда туда наконец приехали.

Все пространство площади было занято мутировавшими людьми. Непроглядные тучи зараженных смотрели куда-то в одну сторону, противоположную от нас, и услышав шум приближающегося железного монстра разом обернулись. Какое-то время они стояли неподвижно, словно увидели чудо техники первый раз в жизни, но затем сорвались с места и бросились на танк.

– Лейтенант, что делать? – спросил я командира, попутно останавливая машину. – Назад, по другому маршруту?

– Нельзя, – сказал он с одышкой. – Во-первых, мать его, там везде капитальные бетонные баррикады... Во-вторых... они нас уже окружили, – небольшой монитор с задней камерой показал ещё одну толпу, выползающую уже из торговых центров и ресторанов центра города, замыкая кольцо вокруг нас. – Хотя мы и в танке, но большой и шумной толпой они могут накликать Жнеца, а от него точно спасения нет. Езжай напролом, – закончил танкист и несколько раз прокашлялся.

Танк рывком полетел в гущу толпы, снося зараженных как пушинки со своего пути. Несмотря на большую мощь двадцатитонной машины, преграда в виде зомби сильно тормозила нас. Повернув руль, я развернул машину и направил её на соседний проспект, который должен был вывести нас к мосту.

Впереди стояла маленькая полуразрушенная баррикада, размером чуть больше нашего танка. Одним махом, стальная машина на большой скорости наскочила на эту преграду, разнося и продавливая её, но что-то пошло не так – танк резко повело влево, и чтобы не угробить машину, я остановил её.

– Лейтенант, что делать? – спросил я в шлемофон, но в ответ тишина. Я обернулся назад и увидел, что мой компаньон уже лежал без сознания на полу машины, и тут я понял, что остался один на один со всеми навалившимися проблемами. Пытаясь самостоятельно разобраться, что произошло с танком, я решил немного сдать назад и вперед. Машина продолжила крутиться и я понял, что левый трак танка заклинило, поэтому мы наматывали круги вокруг левой стороны прямо на баррикадной куче, не имея возможности ехать прямо. Я включил пониженную передачу и попытался направить танк в правую сторону, но со стороны двигателя послышались неприятные рычащие звуки, а потом он и вовсе запыхтел, рискуя заглохнуть. Слева же от меня стали доноситься звуки скрежета и скрипа металла, отчего мне стало ещё более боязно. Заклинившая гусеница танка натянулась и могла в любой момент разорваться, следовало что-то делать, но на этом наши беды не заканчивались.

Пока я разбирался с танком мутанты постепенно взбирались на потерявшую ход машину и готовились атаковать нас более эффективным способом. В отличие от прошлых зараженных, эти вели себя более осмысленно и спокойно: они двигались к объективам видеокамер и предпринимали попытки сломать их, словно знали, откуда за ними наблюдают. Потеря обзора могла бы навсегда решить нашу судьбу здесь, а надеяться на обзор из маленькой щели особо не приходилось, учитывая что сегодня я первый раз в жизни сел за руль танка.

Произошло чудо: что-то звякнуло слева, танк чуть дернулся и поехал прямо. Я снова включил авто передачу, нацелился на нужный мне переулок и двинул вперед. Зараженные повалились с танка, все-таки разбив одну из камер. Экран этой камеры я переключил на заднюю, и заметил один странный объект, похожий на огромный не то червь, не то стебель, возвышающийся над площадью и наблюдавший за нами. Его рот напоминал бутон большого цветка,

а его тело было похоже на толстую змеиную кожу. «Видимо, это и есть Жнец. Тот самый, о котором предостерегал меня Митрохин», – подумал я с холодным ужасом. Жнец не проявлял признаков агрессии, а просто смотрел. Он скрылся, когда потерял нас из виду, в этот момент мы уже спешно покинули площадь, а все зараженные остались далеко позади.

«Ну и мутантище», – пронеслось у меня в голове. – «Как такая махина могла вырасти всего за пять суток»? Однако мысль осталась без ответа. Улицы снова опустели, стоило нам покинуть площадь, и я вздохнул от облегчения.

Жнец явно влиял на зараженных на площади. Они вели себя более осознанно и скоординировано, чем другие, что я наблюдал ранее. Мутанты знали куда надо бить и что делать, чтобы обездвижить врага или нанести ему максимальный урон. Из-за своих мыслей, я полностью забыл про своего компаньона, процессы которого начали переходить на новый этап. Но пока он лежал на полу танка без сознания, тихо и незаметно.

Наконец, мелькнул Летний сад, и мы оказались на Дворцовой набережной, которая соединялась с Троицким мостом. Танк остановился, и я немного расслабился, судорожно выдыхая воздух. Камеры показывали, что противники вокруг не наблюдались.

– Все, лейтенант, мы приехали. Звоните... – сказал я, обернувшись, и кровь моя застыла в жилах.

Митрохин, полностью выпрямившись, стоял на ногах, немного пошатываясь. Он смотрел четко на меня, из его рта капала слюна. Глаза лейтенанта переливались кровавыми оттенками, лицо его стало красным как помидор, а руки тянулись прямо ко мне, в предвкушении возможности отведать моей плоти.

Медленно, не сводя глаз с Митрохина, я расстегнул кобуру и вытащил пистолет. Лейтенант зарычал и кинулся на меня, к этому моменту пистолет уже смотрел ему в голову, и я выстрелил, прекратив мучения существа, бывшего когда-то человеком. С непривычки от грохота в замкнутом пространстве, я немного оглох, в ушах все зазвенело. Я свалился на пол и ощутил резкое бессилие, сравнимое с тем, что было у меня в больнице. Я попытался встать снова, однако организм меня не слушался, и я понял, что мне следовало немного отлежаться. Спустя несколько минут звон в ушах прошел, а организм снова стал возвращаться под мой контроль, лишь тогда я смог встать на ноги. «Бедный танкист», – взгрустнулось мне. – «Надеюсь, ты теперь в лучшем мире». Обойдя мертвого танкиста, взгляд которого был направлен в никуда, я открыл входной люк и вылез наружу, чтобы оглядеться и подышать свежим воздухом.

Уже совсем рассвело, на часах было одиннадцать. Тучи ушли, выглянуло солнце и на душе стало немного легче. Из-за домов виднелись частые клубы черного дыма, в некоторых домах были выбиты окна, двери. Редкие постройки уже успели полностью сгореть, а на некоторых дорогах были расставлены большие бетонные заградительные блоки, полностью преграждающие путь по ней, но некоторые из них были поломаны.

Река, примечательно, не была полностью замерзшей, словно кто-то постоянно ломал новый нарастающий лед, чтобы по ней могли ходить корабли.

Центральная часть города, где я находился, через систему мостов соединялась с Васильевским островом и Петроградской стороной, куда мы и держали свой курс. Все мосты были подняты, кроме тех, что соединяли нашу сторону и Васильевский остров: они были просто взорваны. Однако Биржевой мост, соединявший Петроградский с Васильевским островом, был все же опущен, на нем стояли двуногие существа, и не было понятно, являлись ли они мутантами или людьми. То же самое происходило и на другой стороне реки, где располагалась Петропавловская крепость.

Двуногие существа также размещались и на стенах этой самой крепости, и возле дорог, стояли возле моста. Я никак не мог понять, являются они мутантами или нет, пока не увидел, как по дороге преспокойно проехала танковая колонна, возле которой эти двуногие существа

не шелохнулись, один из них даже закурил, а двое других достали бинокли и стали рассматривать что-то на моей стороне Невы. В этот самый момент я точно понял, что на той стороне реки заражённых не было, и что надо бы связаться с людьми, чтобы понять, что делать дальше.

Я вернулся в кабину, заdraив за собой люк, запустил рацию на последней использовавшейся частоте, надел наушники и начал диалог:

– Ало, как слышно! Прием!

– Да, мы вас слышим. Назовитесь, – мгновенно ответил женский голос.

– Я не знаю номер машины, знаю, что со мной был лейтенант Митрохин.

– Десятка, понятно. Подождите одну минуту.

Рация затихла, а затем раздался серьезный мужской голос:

– Митрохин, как слышно, это полковник Зорин.

– Нет, это его попутчик. Митрохин обратился, пришлось его убить, – сказал я.

– Жалко, что это уже не Митрохин – сказал полковник с досадой. – Хороший был танкист, мастер своего дела. Ладно, мы видим твой танк. Готовься, сейчас опустим Троицкий мост. Ты должен без задержек пересечь реку, остановиться у набережной и выйти из машины.

– Сделаю, – закончил я.

Связь оборвалась, я уселся в кресло управления и стал выезжать на указанную часть моста.

Раздался громкий скрип, и крыло моста спешно опустилось. На мост выбежало около пяти солдат и остановилось, проверяя обстановку, затем один из них подал рукой, что можно проезжать. Я надавил на рычаг, и танк медленно тронулся. Боевая машина проехала между сопровождающих солдат, пересекла мост и остановилась. Мост вернулся в прежнее состояние, солдаты возвратились назад и окружили танк. Я выбрался из машины и ступил на асфальт, слегка покрытым снегом, а военные стали внимательно осматривать машину изнутри и снаружи. Девушка в военной форме, стоявшая неподалеку, обратилась ко мне:

– Полковник ждет вас. Идемте.

Мы пошли в сторону Петропавловской крепости, у её внешних стен нас ждал высокий человек в военной форме, на плечах которого красовались погоны с тремя звездами полковника. По пути к нему я обращал внимание на встретившихся мне людей и заметил, что у всех них был суровый и холодный взгляд, что могло свидетельствовать о крайне печальной ситуации

– Полковник, гражданский доставлен, – доложила девушка и отдала честь.

– Хорошо, рядовой. Вы свободны, – проговорил серьезный, но спокойный голос полковника.

– Есть! – ответила она и спешно направилась обратно.

Зорин долго и внимательно смотрел на меня – вероятно, о чем-то думал. От нетерпения пришлось прервать тишину молчания:

– Полковник, Митрохин говорил, что вы меня знаете.

– Как и всю твою семью, – начал он, поправив свой солдатский китель, а затем протянул мне руку для рукопожатия и мягко улыбнулся. – Иван Митрофанович Зорин. Рад видеть тебя.

– Я вас тоже, – добавил я. – Раз вы говорите, что знаете мою семью, почему я о вас ничего не знаю?

– Идем, прогуляемся по округе. У нас есть много тем для разговора.

Наш путь завел нас внутрь крепости. Мы зашли в какую-то дверь, прошли через некоторое количество узких коридоров. Последний поворот привел нас в небольшую темную комнатушку. Стены комнаты были очень старыми, делали их ещё в петровские времена, а реставрировали явно не в этом тысячелетии. В центре комнаты стоял стол, на нем располагался компьютер с небольшой стопкой бумаг возле него, к столу было приставлено несколько стульев. Слева, около стены располагался старинный стеклянный шкаф, внутри которого висела форма

офицера семнадцатого века. Сразу за шкафом стоял ещё один, более современный, на передней панели которого горели лампы и монитор с разноцветными символами.

– Когда-то, – начал полковник, – это был секретный штаб Петра I, здесь он принимал секретные решения вдали от чужих глаз. История умалчивает об этом, но в нашем статусе ставки все об этом знают. – Полковник сел за стол, я расположился напротив. – Долгое время это место пустовало, но после отреставрировали, сделав частью музея. За месяц до начала всех этих катастроф, я настоял, чтобы этому месту вернули прежнее предназначение, чтобы в городе было несколько запасных штабов. Сейчас эта комната, пока что, единственное место в городе, где можно связаться с внешним миром. Вся остальная связь – чисто локальная, но сегодня во второй половине дня должны расширить радиус действия, чтобы войска могли получать приказ напрямую из Кронштадта.

Разговор с полковником затянулся. Как оказалось, Иван Митрофанович Зорин – так он полностью мне представился – был не только знаком с нашей семьей, но ещё и оказывал непосредственное влияние на неё. Зорин был лучшим другом моего отца, после окончания училища он перебрался в Петербург чтобы служить и выполнять все поручения государства, касательные военных дел, его подъем по карьерной лестнице был быстрым. Зорин активно помогал разведке в деле «Зацветшая резня», поскольку не мог не разделить общую беду с моей семьей и остальными учеными. По его наводке были схвачены некоторые наемники, но сам Грейстоун, к сожалению, пойман не был.

К началу катастрофы, Зорин имел уже звание полковника. Когда начались боевые действия, то высшее командование закрепились недалеко от Кронштадта, оставив в городе офицеров меньшего звания, в том числе и самого полковника. С таким званием и опытом он был единственным в городе среди командования, другие же офицеры погибли или пропали без вести. Бывших руководителей осталось мало, а тех, что способны принимать действительно эффективные решения, и того меньше. Поэтому полковника назначили командовать операциями шестой общевойсковой армии в качестве временного заместителя начальника штаба. К сожалению, полковник лишился своей жены и дочери после катастрофы, но подробности их гибели в нашем разговоре он не уточнил. Их смерть не свела его с ума так как это произошло с многими потерявшими, ведь от его работы и остальных солдат зависели жизни людей в городе.

Полковник поведал мне обо всем, что произошло за последнюю неделю, и полностью подтвердил слова, сказанные моим покойным попутчиком Митрохиным. Мутировавшие ствольные клетки, как позже добавил он, размножались в геометрической прогрессии (или даже быстрее), проникали в тела людей и молниеносно убивали живых. В самом начале катастрофы, когда клетки почти полностью захватили воздушные массы и людей всего мира, они стали достигать территорий с холодным климатом, их живучесть резко начала падать. Для сохранения своего вида, как утверждал Зорин, клетки мутировали и стали создавать ещё более ужасные вещи. Вместо убийства человека, они начали брать его мозг и тело под свой контроль, а так как в процессе жизнедеятельности человека генерируется тепло, клетки стали использовать его как инкубатор. Заражение теперь, по словам уже ученых, которые провели простейшие исследования в кратчайшие сроки, происходит только через укусы и порезы, создаваемые мутантами. И вот, спустя всего два-три дня, миллионы зараженных наводнили холодные города мира, чтобы начать распространять свою заразу там. Жнецы влияли на зараженных, делая их умнее, сильнее и скоординированнее. Это была новая угроза, с которой военные ещё никогда не сталкивались. Армия зараженных строилась из наших же людей, и любой раненый автоматически становился новоиспеченным солдатом армии мертвецов.

Оставшиеся страны замолкли прошлой ночью, лишь страны севернее Петербурга – Норвегия, Швеция и Финляндия – продолжали бороться до сих пор. Про остальные страны говорили, что им не хватило военного потенциала, чтобы отбиться. Четыре дня назад, когда

пришли первые малочисленные волны мутантов, в городе уже активно строились баррикады. Умеющим стрелять давали оружие, мирных людей постепенно эвакуировали на северную часть города, а оборона пополнилась военной техникой. В метро тоже постепенно обустраивали баррикады и создавали подрывную команду на случай прорыва. И поначалу, все шло хорошо, оборона срабатывала на ура, но затем зараженные пришли миллионами. Строя живые лестницы, они перелезали через высоченные бетонные баррикады, темпа стрельбы солдатам уже не хватало для удержания волн, а в систему метро проник Жнец, распространяя заразу снизу. Чтобы изолировать север от центра, военные подняли мосты и взорвали все туннели метрополитена, соединяющие с центром. Между людьми и зараженными теперь стояла река, лед которой периодически ломали выжившие, а также несколько сотен метров обрушенных завалов в метро. Жнеца этот прием сильно задержал, но было неизвестно, в какой момент он мог прорвать подземные баррикады чтобы проникнуть на Петроградский остров. Очевидно, что примененная мера была временной, и перед командованием стояла задача в кратчайшие сроки убить монстра, пока он не выполнил свою задачу.

Зорин рассказал мне, что ожидается крупная наступательная операция для его уничтожения. После этого в силу вступит операция «Искра», суть которой – полная зачистка южных районов города от зараженных и возврат транспортного сообщения с другими отдаленными городами, оставшимися в живых. Сегодня военные подразделения шестой общевойсковой армии должны были собраться в городе чтобы приступить к операции.

Дальше наш разговор пошел о моем отце. Конечно же, дозвониться до него и узнать у него информацию не вышло – связи с Уралом не было. Однако мои воспоминания детства помогли дать ответы на некоторые загадки страшной болезни. Первое самое разумное предположение, которое мы с полковником смогли вывести о силе мутантов, свелось к наличию у них коллективного разума. Это заявление не было доказано кем-то, но могло иметь право на существование, поскольку пока не было установлено, имелся ли у них единый центр управления и что могло ими двигать, помимо заражения всех людей на земле. Вторая мысль, которая пришла мне в голову, касалась скорости мутации зараженных, которая достигалась возможностью быстро менять и перестраивать свой генетический код. Когда-то сам отец поражался этому явлению и тоже однажды упомянул при мне это. Хорошо, что нашлось хотя бы одно полезное применение моему постоянному самокопанию.

Затем разговор снова зашел об обсуждении плана ликвидации большого манипулирующего монстра, и честно, я не ожидал, что полковник захочет обсуждать военные темы со мной. Он предложил взять существо хитростью – выманить Жнеца в выгодном для военных месте и накрыть его ракетным ударом авиации. Для этого военные сделают имитацию наземного нападения, чтобы Жнец выбрался наружу. Известно, что монстр перемещается под землей по туннелям метрополитена и регулярно появляется из входа в метрополитен или из вентиляционной шахты, поэтому надо нападать возле этих мест. И делать это следовало большими группами, поскольку Жнец не должен был сомневаться в намерениях военных.

Кто-то позвонил Зорину и сообщил, что на Васильевском острове началось активное движение зараженных: высокая вероятность, что существо могло там объявиться, и военные начали действовать. Колонна военной техники двинулась в сторону Биржевого моста, что соединял Петроградскую часть города и Василеостровскую.

Когда солдаты отступали из южной части города, Зорин был среди них и сидел в БТР с особой цветовой схемой. На нем он перемещался в первые дни апокалипсиса, пока не осел в одно место. Тогда Жнец наблюдал за ним, и, вероятно, догадался, что это был автомобиль командующего, так как его защищали особенно сильно, а в бою он никогда не участвовал. Значит, если Жнец увидит машину снова, то нападет на неё при первой же возможности, чтобы попытаться уничтожить командующего.

Людей, способных управлять такой техникой, было по пальцам пересчитать, и все они были уже в своих машинах на пути к Васильевскому острову, ведь операция уже началась. Я не привык сидеть без дела и всегда старался максимально помочь своими действиями, поэтому я уговорил Зорина дать мне возможность принять участие в операции в качестве водителя БТРа. Тем более что управлять машиной некому, а учить на скорую руку времени сейчас уже не было.

Я спешно покинул крепость. До БТРа бежать пришлось недолго: он находился возле входа в артиллерийский музей, который располагался сразу за крепостью. У машины меня ждал человек:

– Привет, гражданский, – поздоровался со мной здоровый веселый паренек и пожал мне руку. – Иван Смольников, буду твоим командиром. Поговорим в дороге, сейчас по местам, – засуетился он.

Здоровый, сильный, дисциплинированный, продолжавший славную традицию своего прадеда, деда и отца – он уже долгое время служил на танке и имел большой опыт по управлению боевой машиной. Когда объявили тревогу, он находился в городе по случаю выходного дня и оказался буквально «запертым» на петроградском острове: мосты были разведены, а метро перекрыто. Через день пришли военные, по документам они восстановили пропавшего без вести Ивана и усадили за свободную машину. С его слов, новые военные машины выпускались с единой автоматизированной системой управления. Так что если у меня получалось управлять танком, то получится управлять и БТРом. Все это я узнал у него, пока мы стояли в танковой колонне и ждали приказа на атаку. И вот, по рации передали приказ об атаке.

БТР была более скоростная, чем танк, и управлять ей оказалось намного проще. Машина пересекла Биржевой мост и оказалась на Васильевском острове. На дороге, по которой мы двигались, находилось огромное количество трупов зараженных, военных и мирных жителей, слегка занесенных снегом. «Наверное, страшная была бойня», – пронеслось у меня в голове. Справа по набережной вдалеке был виден хвост танковой колонны, которая постепенно перестраивалась в боевой порядок.

– Давай за ними, догоняй, – приказал мне Смольников.

Один за другим танки поворачивали налево вслед за колонной и скрывались из виду. Вскоре и наша машина достигла этого поворота, но Ваня приказал остановиться:

– Тормози, у нас другая работа.

– Разве мы не должны следовать за ними? – поинтересовался я.

– Хорошо, что ты гражданский, не то бы прикрикнул жестко: отставить разговоры, – молвил он с упором на последние слова. – Но раз ты человек не военный, то слушай и запоминай. Они пошумят и выкурят его наверх, а мы повернем и выманит его уже на открытое место. Остальное сделает авиация и тяжелая артиллерия.

– А с ними что будет? – спросил я Смольникова.

Иван тяжело вздохнул и добавил:

– Я думаю, не самый лучший конец. Но не смей предупреждать их об этом по рации, они не должны ничего знать, чтобы не сбежать, не то вся операция сорвется.

– Но так нельзя, – сказал я с разочарованием. – У них могут быть семьи, дети, они может даже не попрощались с ними, а их посылают на смерть, говоря, что это очередная наступательная операция.

– Знаю, – добавил Иван, – мне тоже их жалко. Но такова жизнь солдат. Жнец не клонет и не вылезет, если они начнут побег. Это малая жертва, чтобы спасти город и всех остальных.

Добавить было нечего, так что я повернулся обратно к смотровым мониторам машины и начал внимательно изучать передаваемое мне изображение.

Это был Средний проспект. В семистах метрах от нас на проспекте находилась станция метро Василеостровская. Техника выстроилась елочкой возле неё, и пулеметы, которые на них располагались, расстреливали зараженных, выбегавших толпами из недр станции. Помимо этого танки периодически постреливали из пушек, одновременно создавая большой урон выбегающим толпам и эффект наступательной операции.

– Приготовься, танкисты фиксируют подземные толчки, – сказал он мне, а потом обратился к руководству: – Штаб, это «Подсадная утка», цель близка, приготовьтесь нанести удар.

Что-то огромное, мощное вырвалось из земли, разметав вестибюль станции. Сквозь пелену образовавшийся пыли просматривался Жнец, и техника незамедлительно открыла по нему огонь. У монстра была удивительно прочная шкура, которая гасила удары снарядов и пуль, выпускаемых солдатами, и не позволяла причинить ему какой-либо ущерб.

Жнец действовал молниеносно. Взмахами своего хвоста он переворачивал боевую технику вверх дном, а затем наваливался всем своим весом, сдавливая насмерть сидящих там танкистов. Когда последний танк полыхнул ярким пламенем, солдаты разбежались врассыпную, но, как и говорил командир танка, все они были обречены. Наконец, Жнец обратил внимание на нашу машину и начал стремительно приближаться, попутно подгоняя своих двуногих безвольных рабов.

– Назад, к площади! – вскрикнул Иван.

Я развернулся и дал по газам, двигаясь по набережной напрямиком к Стрелке и заманивая монстра в запланированную ловушку. Но Жнец, не смотря на свои габариты, был быстрее и постепенно нагонял нас.

К тому времени, когда машина доехала до первого маяка на площади, Жнец уже появился из-за домов и находился в прямой видимости, до нас ему оставалось всего лишь двадцать метров. Зараженные, что бежали за ним, теперь направились в сторону Биржевого моста, пересекая тем самым линию фронта. Техника и пехота, охранявшая мост, открыла непрерывный огонь по зараженным, но их было слишком много, чтобы дать достойный отпор. Перебравшись на другую сторону, словно муравьи, они стали разбегаться по улицам Петроградки во все стороны. При таком раскладе стало ясно только одно – сегодняшний день закончится либо разгромом Петербурга, либо смертью Жнеца.

– Давай к другому маяку, будем кружить, а я сообщу, чтобы с крепости подсветку для авиации включили, – сказал Иван. В воздухе уже загудел шум приближающихся самолетов, а ротовая полость большого змея замерцала красной точкой лазера, все было готово к удару. Чувя неладное, монстр двинулся еще более стремительно, чем раньше, пытаясь достать нас во что бы то ни стало. Как ни крути, уловка удалась, и монстр купился, выбравшись на открытое место.

Жнец достиг нас быстрее, чем мы доехали до второго маяка. Монстр замахнулся хвостом и ударил им сверху вниз, пытаясь раздавить нас. До этого БТР успел сделать резкий маневр в сторону, и хвост монстра попал только по асфальту, разметав в стороны его куски. Осознав свою ошибку, змей решил действовать по-другому, и вместо замаха сверху решил ударить слева-направо. Я дал задний ход, но мы не успели увернуться от него. Удар получился мощным и тяжелым, и БТР с разворотом отлетел в сторону. Машина ещё прокручивалась какое-то время, её правая ходовая сторона выломалась наружу, теряя возможность самостоятельно ехать. Нас внутри резко дернуло, и мы повалились со своих мест, а машина продолжала крутиться, медленно останавливая свое вращение, и в конце рухнула одним концом на нижнюю набережную, встав по диагонали.

В себя я пришел удивительно быстро:

– Ваня, ты как? БТР больше не сдвинется, надо убегать, – сказал я и потряс потерявшего сознание Ваню, отчего он начал приходить в себя.

Я высунулся из машины, чтобы рассмотреть обстановку, но все, на что я уставился – это было приближающееся тело и пасть Жнеца. «Это конец», – пронеслась пессимистическая мысль в моей голове. Но на морде монстра всю сверкали яркие красноватые проблески лазера, а гул самолета усиливался.

– Прячься, дурак! – выкрикнул высунувшийся Иван, поняв, что сейчас будет удар, а затем схватил меня за плечи изтащил внутрь машины, захлопывая люк. Только он сделал это, как тут же ударили ракеты по телу Жнеца. Удар был настолько сильным, что наш БТР затрясло от взрывной волны, и он свалился с уступа, принимая горизонтальное положение. В стороны полетели ошметки монстра, однако он все ещё шевелился и был вполне боеспособен.

Монстр издал громкий истошный крик о помощи, и на его зов кинулись все ближайшие зомби, пытаясь уберечь монстра от гибели. Авиация пошла на второй заход, запуская в существо ещё одну кучу ракет, пока тот приходил в себя. Второй удар разметал его вторую половину тела, окончательно приговаривая мутанта к смерти, а также других подбежавших уже зараженных.

– Господи, как башка раскалывается, – проговорил Иван, поглаживая набухавшую шишку на затылке, когда уже все стихло и успокоилось.

– погоди, – стал успокаивать его я. – Вылезем наружу, снег приложишь.

– Ага, доктор хренов, – усмехнулся он. – Весь снег в жнецовском срачельнике, измажусь только.

Зазвучала рация. Иван подполз к ней и принял сообщение от полковника.

– Ну что, как там обстановка? – спросил я у Ивана, после того, как он закончил разговор.

– Что можно сказать... – начал он, не переставая гладить шишку. – Жнеца убили, это хорошо. Остались небольшие разбросанные силы зараженных, с которыми сейчас разбираются военные вертолеты. Сказали сидеть тут и ждать, пока все не станет относительно спокойно.

Несколько минут спустя взрывы стали заметно удаляться, и Иван не выдержал ожидания:

– Эх, хрен с ним. Погнали наружу, а то тут задохнуться можно, – добавил он и полез на свежий воздух, прихватив с собой автомат.

– Ладно, идем, – добавил я неуверенно и последовал за ним. Мы спустились на набережную, проверяя отсутствие зараженных поблизости, затем поднялись наверх, где стояли колонны. На площади мы наблюдали повсюду разбросанные останки убитого Жнеца, а также большой остов тела монстра, который от него остался. Это была прочная дугообразная кожа, отдаленно похожая на кожу змеи. Она выглядела как большая надкушенная луковица без сердцевины, а изнутри казалась кроваво-грязной и гнилой.

– Ну и громадина, – присвистнул громко Иван. Его свист услышала парочка уцелевших зараженных, которая, завидев нас, сразу же стала убегать, но автоматная очередь Ивана мигом остановила их план побега. После, Иван вальяжно уселся на скамейку, предварительно скинул с неё куски мяса убитого монстра, а я присел рядом.

– О чем думаешь, браток? – спросил меня товарищ по оружию, потом слепил из снега что-то вроде плоского комка и приложил к больному месту на голове.

– Думаю, что же теперь делать. Жнец убит, треть города в руинах. Что будет дальше?

– Не знаю, – ответил он и развалился на скамейке ещё более расслабленно. – Меня лично волнует, что происходит здесь и сейчас. Хотя место это веселое, помню по своим приключениям.

– У меня тоже здесь одно приключение было.

– Что, первая свиданка была, да, да? Да, свиданка... – затянул Иван с усмешкой и побратски ударил меня по плечу. – Все тут свиданки любят проводить, – молвил он деловито. Этот парень казался мне серьезным и дисциплинированным только во время военных операций. Во всех других случаях, наверное, как и все военные, он был просто веселым дружелюбным парнишкой, который часто любил повеселиться и подурачиться от души.

– Не совсем, первое знакомство, – решил рассказать я ему. – Летом, в теплую погоду, вечерами сюда приходят танцевать люди. Отдохнуть, расслабиться от всего. И я был среди них. Долго ходил, даже получалось сносно. А потом познакомился с одной очаровательной особой. Но лучше бы этого не делал. Плохое место.

В голове странным образом загудело, засвистело, закружилось, в глазах все побежало. Затем началась страшная головная боль, отчего я схватился за голову и упал на колени от нахлынувшей слабости. «Лекарство принять забыл...», – пронеслось у меня в мыслях перед тем как я потерял сознание.

Я очутился в палате в больнице. Она была полупустой, всего три кровати были заняты больными. Ко мне сразу же подошла медсестра и сказала:

– Хорошо, что вы проснулись. Аппарат выявил странную уязвимость вашего заболевания и, пока вы спали, вас прооперировали, – добавила медсестра и поправила мне бинт на голове.

– А где полковник, где Иван? – спросил я у медсестры. – Это что, был сон?

– Конечно, это был сон, – радостно и наивно ответила мне она. – Вы полностью здоровы, в больнице. Ещё чуть-чуть полежите и мы вас домой отпустим.

На душе ощущалась легкость и радость. Снега не было, зеленая трава виднелась за окном, пели птицы. Я достал телефон и обнаружил, что родители мне прислали смс, как и обещали: «Где ты там? Как ты поживаешь? Отцу большой грант дали за его проект „Автор“, скоро к тебе в гости приедем в Петербург. Не забудь голову перевязать, а то кровь вся вытечет».

«Странное какое сообщение», – стал я размышлять, попутно отключая телефон. – «Родители же не были в курсе, что я оперировался. Вообще не знали, что я болел, откуда они знали про перевязку?»

Я встал с кровати и подошел к зеркалу. Не знаю, почему, но мне сильно захотелось снять эту перевязку и посмотреть, что под ней. Рука стала медленно снимать бинт, слой за слоем раскручивая все более краснеющую ткань. Последний оборот, и к ужасу я обнаружил, что разрез, через который удаляли болячку, не был зашит. Более того, он обильно выпускал кровь, а из него стала... высываться рука?

– Сестра, сестра! – выкрикнул я с ужасом и оглянулся. Все люди в палате начали превращаться в странных существ и подниматься со своих кроватей, за окном солнце скрылось, стало темно как ночью, а медсестра неожиданно поросла волдырями и опухольями, её руки стали удлиняться в мою сторону. И чем ближе были её руки ко мне, тем больше набухали эти наросты.

«Господи, что это! Нет, нет». Я схватил первое попавшееся под руку и стал отмахиваться от её рук, но все было бесполезно. Конечности медсестры полностью игнорировали мои воздействия на неё, как бы сильно я не старался этого делать. Превратившиеся в странных и непонятных существ монстры подбежали ко мне с двух сторон и схватили меня, медсестра дотянулась до руки, торчавшей из моей головы, и стала тянуть изо всех сил, причиняя ужасную боль. Я закричал – это единственное, что мне оставалось делать.

– Это сон! Это сон! Это сон! – вскричали мысли в моей голове, когда я проснулся.

Голова, как и все тело, были тяжелыми, словно чугунными, открыть глаза и смотреть было не менее тяжело. Я напрягся, пытаюсь открыть их, но мне не удавалось, видимо нужно было время. Организм постепенно приходил в себя от случившегося приступа, с каждой новой минутой я начинал ощущать каждую часть своего тела все больше и больше. Сквозь темноту в щель открывающихся глаз ударил узенький лучик желтого света не-то свечки, не-то лампы. Вскоре, глаза открылись шире, и по находившимся рядом другим кроватям, я понял, что ока-

зался в больнице. Позже, я начал чувствовать себя гораздо лучше, продолжил шевелиться более активно, попытался сесть. Затем пришли врачи и рассказали мне, что же со мной произошло.

После приступа на Васильевском острове, меня сразу же отвезли в госпиталь, где меня постепенно откачали, а через два дня я и очнулся. Ко мне приходили полковник и Иван, пока я был без сознания, но больше внимания мне оказывали доктора и медсестры, проверяя мое состояние. Они не сомневались, что это симптомы онкологии, но подробностей не имели, пока я не показал им распечатанные бумаги и их копии на электронном носителе – результат работы аппарата Зеленкина. Решение очевидное – операция и химиотерапия, но такие сложные и дорогие вещи в их больнице не делали, нужно было специальное оборудование. Через какое-то время меня снова навестил Зорин и рассказал о том, что я, собственно говоря, пропустил.

После гибели Жнеца, как и предполагалось, зараженные перестали проявлять наступательную инициативу и стали скрываться при первом визуальном контакте с человеком, особенно когда людей было с десятков и больше. Прилетевшая вовремя вертолетная авиация оперативно зачистила городские кварталы от заражённых, стараясь не навредить инфраструктуре города. Немногие выжившие из других стран, кроме стран севера, стали стекаться в наши города, спасаясь от бесчисленных орд зараженных. На связь вышла Финляндия, Швеция, Норвегия, которые уверенно держали северные территории.

Полковник разговаривал со ставкой, и они условились принять меня в Москве, чтобы выяснить, что мне известно об этом заражении. Ученые начали делать открытия, находя взаимосвязь между зараженными и Жнецом. Но для начала мне предстояло серьезное лечение, чтобы можно было продлить мою жизнь.

Через два дня меня перевели в другую больницу, где работали лучшие, а может и единственные, хирурги и врачи-онкологи в городе. Операция прошла без каких-либо осложнений и приключений, все было четко по плану. Далее были два курса химиотерапии и небольшое восстановление. Снимки показали, что опухоль была удалена без проблем, однако метастазы все ещё оставались в организме. Как и говорил врач, вопрос о выздоровлении тут и не стоял, только продолжительность жизни.

Всего на восстановление у меня ушло полтора месяца. Тогда, в последний день в больнице, я стоял перед зеркалом, застегивая пальто, и молча рассматривал свою голову, которая на месте заживающего шва стала, наконец, зарастать волосами. Прическа была ужасной, и я закрыл её, надев бандану байкерской расцветки.

В Петербург пришла весна: растаял снег, солнце стало светить чаще, что совсем не свойственно Питерской серой погоде. Ученые беспокоились, что заражение снова пойдет по воздуху – теплему и влажному, но этого почему-то не происходило. В самом Питере полностью избавились от зараженных и их следов, постепенно налаживая инфраструктуру города и пригородов. Некоторые сгоревшие дома или целые кварталы были полностью снесены строителями, и теперь появилась много площадок для нового строительства в городе. Появилось транспортное сообщение с другими выжившими городами, и продуктовые магазины наполнились едой и товарами. Военные начали часто проводить рекогносцировку² местности, патрулируя границы, но зараженные больше не нападали на Петербург после смерти Жнеца. В город вернулся свет, тепло, запустили интернет и некоторые интернет ресурсы, в том числе и социальные сети, но спрос на них упал. Люди стремились уйти от пережитого, больше общаясь и контактируя друг с другом.

Мне предстояла поездка в Москву и общение, если не с правительством, то уж точно с ведущими учеными-исследователями, которых могла интересовать информация по поводу

² Рекогносцировка – визуальное изучение противника и местности в целях уточнения принятого на карте решения.

стволовых клеток и слабых мест зараженных. Уже к концу апреля я вернулся, в тепер уже свою квартиру, так как хозяйку признали пропавшей без вести, а потом я начал собирать вещи.

Все время после больницы, я искал Александра, его семью, его девушку. Оказавшись в его доме, я не встретил никого, даже следов его присутствия тут не было. Военные, проверявшие этот дом, также не нашли следов выживших или зомбированных. На душе было грустно: «Несправедливо это – его не стало, а я продолжаю жить, несправедливо», – пробегало в моей голове.

В день моего отъезда, в позднее время весны, я весь день гулял по Питеру и рассматривал его достопримечательности, будто видел их в последний раз.

Возле Дворцовой площади я встретился с одним странным стариком.

– Ты! Да-да, ты! Слушай, – обратился ко мне он. Человек был одет в лохмотья, небольшого роста и сутулый, но это никак не мешало ему активно жестикулировать руками и перемещаться взад и вперед, доказывая мне свою правоту. Несмотря на это, я был единственным человеком на площади, кто с ним общался, остальные будто бы не слышали его и не видели. – Грядет эпоха новая, знай же! Придет безликий, явится армия его металлом сотканная. На закате апокалипсиса сверкнут лучи железного огня, и внемлют люди голосу разума и логики, что этот безликий принесет. Будет новый страж и новая эпоха для всех живущих на земле!

«Бедный дед, совсем с ума сошел!», – подумал я, пока он продолжал мне что-то ещё рассказывать. Не дожидаясь его новых доводов, я отправился дальше.

И ведь часто такое бывало с людьми в дни сложностей и ужаса. Они сочиняли себе богов, сверхъестественную силу, духов, что всегда придут, помогут и защитят. К сожалению, это была всего лишь фантазия, а фантазиям, как известно, не суждено покинуть человеческий мозг и воплотиться в реальности. К сожалению, или к счастью. Однако, с другой стороны, в черную и бескомпромиссную эпоху людям, жизнь которых будет обречена, надо во что верить, чтобы продолжать бороться и жить дальше.

На Васильевском острове – том самом, на котором произошло два важных, но нехороших события моей жизни, я заметил, что люди снова стали танцевать и веселиться, как раньше, словно они и не прекращали своего веселья. Это удивительное зрелище, когда город, наполовину опустевший и разоренный, начинает снова возвращаться к обыденной жизни, а сами люди, несмотря на пережитые потрясения и боль, веселятся и отдыхают вновь. Как это ни печально, обыденной жизни, такой, как раньше, возможно, уже никогда не будет – с вечно шатающимися туристами, задорными и наивными иностранцами, с шумом дорогих и не очень авто, с шумными красивыми вечерами и изобилием продуктов и товаров в магазинах. Осадок от этой катастрофы останется и будет выводиться десятилетиями, даже людям не суждено теперь жить так, как жили они раньше, как раньше они старели, нянча своих внуков и правнуков. Но людям, этим танцевавшим людям, было все равно, они просто продолжали изливать огонь страданий, воплощая его в красивый красочный танец. «Я бы снова хотел станцевать с ними, может, снова встретить свою любовь, а потом... А потомопять скатиться в депрессию? Ну уж нет!», – столкнулись между собой потоки моих мыслей. «Пожалуй, оставлю это для следующей жизни, в этой с меня хватит».

Вечером, когда уже стемнело, на вокзале меня провожали Зорин и Иван Смольников. Это был уже не тот Московский вокзал, что раньше. Когда-то здесь всегда было много людей – веселых и не очень, было шумно, что-то объявляли по громкой связи. Поездов всегда было много, все они пронзительно поскрипывали, а в воздухе витал запах жженого угля. Теперь здесь было все по-другому, словно вырвали кусок одной жизни, и заменили другим. Людей тут было немного, некоторые рыдали, провожая своих родных, другие просто молчали и о чем-то думали. Поезда теперь загружались только по одному и большая часть вагонов у этих поездов были гружены снаряжением и техникой.

– Рад тебе сообщить – в Москву ты поедешь не один, – заговорил полковник радушно. – Вот, Ванек с тобой поедет. Вдвоем будет веселее.

– А вы не едете? – спросил я Зорина.

– А мне не положено покидать город. Ты же знаешь, мне как руководителю шестой общевойсковой армии надо защищать границы от зараженных и поддерживать порядок на улицах. Меня признали хорошим руководителем, наверное, повысят в звании и должности, так что я останусь тут, на посту.

– Жаль, товарищ полковник. Ну, если вдруг объявится хозяйка квартиры, то передайте ей это, – добавил я и передал Полковнику связку ключей.

– Хорошо, передам, – ответил полковник, мягко улыбнувшись, и положил связку в карман. – Вань, – обратился полковник к Смольникову, – парень после операции, помоги ему с сумками.

– Есть, товарищ полковник, – сказал Иван с энтузиазмом, и понес чемоданы в поезд, я, было, хотел перехватить их, чтобы доказать, что не следует принижать мои физические возможности, но Иван настоял на своем.

Полковник подождал, пока парень скроется в поезде, и начал говорить со мной уже на другую тему:

– У Ивана больше никого не осталось, в депрессии сидел последние три недели, не просыхал. Надеюсь, ты не против попутчика, ему развеяться надо, приключения половить, а то пойдет концы сводить. Парень он отличный, ты знаешь – шутит много, верный товарищ. Защищает, прикроет, поможет силой, если что. Да и вдвоем веселее будет.

– Не против, – ответил я полковнику.

– Тему семьи не поднимайте с ним, хорошо? – попросил Зорин, я кивнул в знак утверждения и продолжил слушать. – Веселитесь, гуляйте по Москве, она вообще не пострадала от катастрофы. С учеными разговаривай по существу, лишнего ничего не говори. – Полковник задумался на минуту. – И ни слова об онкологии! Ясно?

– Ни слова, – сказал я.

– Сделано, полковник, – ответил Иван, вернувшись после того как отнес вещи в вагон поезда.

Мы поболтали ещё на нейтральные темы, а затем проводница стала постепенно загонять всех пассажиров.

– Ладно, орлы, держайте. Счастливой вам дороги! – сказал нам полковник напоследок. – А то поезд без вас уедет.

Мы попрощались с полковником, зашли в вагон и расположились в купе. На весь вагон было всего три человека: мы с Иваном и какой-то инженер-технолог в другом конце вагона. Путешественников, видно, теперь совсем не много, да и путешествуют они сейчас только по делу. Самолеты, как уверял меня полковник, ещё не летают, так как военные опасаются новой напасти со стороны зараженных в небе. Не знаю, как это возможно, но раз этого опасаются военные, то этого действительно стоит опасаться. Так что вместо самолета, на что я надеялся, мы расположились в вагоне поезда, который будут охранять военные солдаты и патрули на станциях.

Поезд тронулся, и как подобает традициям, Зорин помахал нам вслед рукой. «Хоть и полковник, серьезный военный, а общается с нами, как со своими сыновьями», – подумалось мне. Мою голову терзала смутная навязчивая мысль, что, возможно, я Зорина больше никогда не увижу. Может, случится что-то со мной, или ещё что произойдет.

Мол, застряну там, в Москве, или ещё что хуже... Однако я старался не допускать этих мыслей, Зорин на сегодня – единственная связующая нить, которая соединяет меня и память о моей семье. И вот, похоже, теперь и меня начала захлестывать депрессия.

Застучали колеса, поезд стал выходить за пределы города. За окном было сумрачно и темно. Сверкающие окна города уходили все дальше и дальше, оставляя нас одних.

Город полностью скрылся из вида, за окном периодически мелькали огоньки не то военной техники, не то фонарей рабочих. Медленно покачивающийся поезд начал убаюкивать и затаскивать в сон. Мы расположились каждый по своим койкам и улеглись спать. Иван уснул достаточно быстро и захрапел, а вот мне все не спалось: прокручивал в голове все, что произошло, происходит, и что будет происходить с нами в этом приключении. Благо, голова уже полностью зажила и постепенно обрастала волосами, лежать на подушке стало совсем не больно. И я, наконец, погрузился в глубокий и спокойный сон.

Глава 2: Большой путь

Через пять дней после начала катастрофы. Глубокая ночь. Пригород Петербурга.

Танк стоял посреди поляны в где-то в лесной глуши. Вооруженный автоматом Михаил Митрохин стоял на танке с автоматом и осматривал окружение, чтобы не допустить внезапную атаку зараженных, которые могли бы окружить солдат. Федор Фатюхин – механик-водитель танка, сидел возле левой гусеницы и менял трак, из-за поломки которого машина не могла двигаться.

– Федька, давай быстрее, не нравится мне здесь. И опоздать на место встречи можем, – подталкивал Федю его командир-наводчик.

– Вот ты параноик, – сказал Фатюхин с выдохом. – Успеем, все сделаем. Как говорил Карлсон? Спокойствие, только спокойствие, – ответил он спокойным пофигистским голосом.

– Как можно быть спокойным, когда какая-то четвероногая мутировавшая тварь смогла поломать двадцатитонную машину!?

– Да откуда ты взял-то, что это мутант был? – спросил Федя Митрохина, приподнялся и стал смотреть на товарища. Михаил же, не сменив своей позиции, старательно всматривался в лес.

– На мониторе увидел, – ответил он.

– Может, померещилось тебе, темно же все-таки. А тут много, кстати, мусора железного валяется. Свалка тут была, вроде как. Вот, посмотри, – Фатюхин попинал ногой лежащий рядом кусок арматуры. – Может, попал и сломал звено, а?

– Знаешь, может ты и прав. Что-то я совсем перенервничал, – выдохнул Митрохин.

– Расслабься. Я, конечно, понимаю, что там сейчас мутанты обитают. Но мы-то с танком, под защитой, – добавил Федор и запрыгнул на машину. – Давай, поехали уже... Пстой, ты видишь? – внезапно прервался он на полуслове и показал пальцем на сидевшую на ветке большую птицу – глухаря. – Ничего себе! Это же мечта охотника, Мишань! Давай его пристрелим и как трофеей привезем?

– Нет, мы не будем лишний раз стрелять и создавать много шума, – отсек идею Михаил.

– Ну, вот опять, ну елки...

Глухарь неожиданно взлетел и полетел к танку, а потом сел на дуло возле экипажа и начал пристально рассматривать людей.

– Миш, ты видел когда-нибудь в своей жизни так близко эту птицу?

– Нет, Федя, не видел, – ответил Михаил удивленным голосом.

– О, у меня как раз остался кусочек хлеба, дай ка я его покормлю! – сказал Федя и потянулся в карман комбинезона за хлебом.

– Федь, ты с ума сошел! Брось эту затею, поехали уже.

– Да ладно тебе! Я слегка прикормлю эту птичку. И все.

Фатюхин поднес руку с хлебом к птице под нос. Птица не испугалась, а продолжила так же с любопытством рассматривать танкистов, время от времени посматривая на кусочек хлеба. Внезапно, глухарь схватил кусок, прикусив вместе с ним ладонь руки Фатюхина так, что у него пошла кровь.

– Ах, ты ж! Чертова птица! – выругался Фатюхин, размахивая руками. Глухарь испугался, взмахнул крыльями и улетел прочь. – Ладно, поехали от сюда! Чертова птица... Ух, блин, как больно-то кусается, – закончил он, зажимая свою руку.

Танкисты усадились каждый на своём месте и поехали дальше, в Петербург, на место встречи.

У глухаря была небольшая резаная рана справа под крылом. Дождавшись, пока танкисты уедут, птица увидела на снегу зайца, прыгнула на него и, убив, начала свой пир.

Из сна я вышел удивительно легко. Поезд все еще ехал и постепенно подъезжал к столице России. За окном светало, вставало солнце. Иван ожидаемо сидел за столом, облокотившись на него, и сильно грустил. Все было так, как мне и говорил Зорин. Чтобы подбодрить товарища, я начал диалог:

– Эх, наверное, надо было все-таки сходить да потанцевать на Ваське! – Иван спокойно обернулся на мой голос и взглянул на меня опечаленными глазами. – Встретил бы какую-нибудь симпатичную танцовщицу, потанцевал бы хорошенько, – добавил я с намеком на последнее слово. – Может, и отношения завязались бы.

– А что ж не сходил-то? – молвил Иван с постепенно поднимающимся настроением.

– Да не хотел терзаться старыми воспоминаниями. Но пока их не было, это, конечно, было классное времяпрепровождение, – ответил я.

– Я там однажды веселое приключение словил, – начал говорить Иван с легким смешком и выглядел уже менее грустным, – звание новое получил, загулял. По пьяни подрался с байкером, а потом укатил на его мотоцикле. Утром очнулся где-то уже за городом, в части подумали, что сбежал, раз с выходных вовремя не пришел. Чем только думал – черт меня знает, – проговорил он, ударив себя по лбу, – но потом мне здорово влетело, конечно. Байк удалось вернуть, штраф заплатил сатанинский. Отмазали, в общем. Но черт знает, не помню, как за городом очутился. Вот просто, дырка в памяти.

– Да, забавно. Проходил я как-то летнюю практику в лабораторном комплексе нашего городка. Ну, работал с системой генерации сверхпроводимости, – Иван сделал вдумчивое лицо, будто бы понимал, о чем я говорил. – И, в общем, в настройках программы сделал ошибку в единицах измерения, запустил установку и жду, когда через установленное время заряд пойдет по цепи. А потом как вышибло накладную крышку установки, от грохота ажфорточки распахнулись, а сам на пол рухнул и голову прикрыл от страха. Повезло, что не сломал ничего. Кроме штанов, разумеется.

– Аххах, ученый хренов, – рассмеялся Иван и по-братски дал мне пять. – Это у тебя артиллерия получилась какая-то.

– Не, артиллерия у меня на другой практике получилась случайно, – продолжил говорить я.

Мы с Иваном ещё долго болтали, что-то вспоминали из жизни – смешное и не очень. Он больше не грустил, а наоборот, радовался, и с невероятным энтузиазмом рассказывал истории из личной жизни и военного быта, от которых порой мы ухахатывались. А ещё он с нетерпением ждал гулянок по столице и очередных приключений, полных веселья и новых открытий, но уже без стрельбы по зараженным. Позже, я вышел из купе и остановился возле окна. На одном из поворотов я смог рассмотреть полностью поезд и узнал, какими вагонами он ещё пополнился.

На весь состав было всего два пассажирских вагона, множество товарных, груженными военной и гражданской техникой, и замыкалось все цистернами. Пассажиры, тем не менее, ещё долго будут не самым часто встречаемым видом груза, перевозимым на поезде.

Спустя ещё час езды, поезд оказался в Москве и остановился на территории вокзала. Солнце продолжало ярко светить, температура держалась около пяти градусов по Цельсию и по прогнозу должна была подняться ещё выше – обычная весенняя погода средней полосы России. Мы вышли из вагона и, следуя указаниям Зорина, стали ожидать военных людей, кото-

рые должны были нас встретить. Прошло десять минут, двадцать минут, поезд уже отогнали на другой путь, а нас так никто и не встретил.

Я позвонил по телефону Зорину – благо сотовую связь стали постепенно налаживать – и спросил, почему нас не встречают, на что полковник мне ответил, что они задерживаются, надо подождать в кафе. Так мы и сделали.

Кафе на вокзале, ровно как и во всей Москве, оказались беднее в выборе еды, чем в Питере, да и цены там были намного больше. Вероятно, это было связано с большой плотностью населения, которое ещё до катастрофы было не маленьким. После катастрофы в столицу стали эвакуировать города и села, которые оказались под ударом зараженных, еды и свободного пространства заметно поубавилось.

Миновали долгие пять часов нашего сидения в кафе, а затем, наконец, к нам приехали военные. Они усадили нас в бронированный многоместный военный автомобиль в сопровождении трех вооружённых солдат и повезли по городу к месту назначения.

Коммуникации, цивилизованные составляющие Москвы, дома, архитектура – все оказалось незатронутым скверной катастрофы, но количество людей в Москве было просто невероятным. Везде стояли палаточные лагеря и самодельные бараки для тех, кому не хватило крыши над головой. Кто-то жил прямо на вокзале, надеясь в скором времени уехать, а кто-то, видимо, уже больше не собирался никуда уезжать: сидели в своих палатках и ждали, когда им дадут долгожданное, приемлемое для комфорта, убежище. Кому-то везло больше: им доставались пустующие школьные коридоры, спортивные залы, стены университетов и пустые диваны гостиниц, однако все же большая часть сидела в палатках. Сами власти пока не особо спешили строить и оборудовать новые дома. Помимо этого, улицы города были грязными и неубранными, везде валялся мусор, а в воздухе постоянно ощущалось присутствие смога и пыли. В магазинах был сильнейший дефицит товаров, множество ресторанов и сфер услуг ежедневно закрывалось из-за отсутствия посетителей и возможностей вести бизнес безубыточно. Несмотря на это, основная инфраструктура города продолжала работать в штатном режиме.

Наш путь привел нас сначала в гостиницу, где мы разгрузили свои вещи, а затем сразу же на собрание, которое решили проводить в одной из самых больших аудиторий университета МГУ.

Здание университета было огорожено забором с колючей проволокой, а на его территории был введён пропускной контроль, где проверяли содержимое карманов и курток на наличие звукозаписывающих устройств и прочих запрещённых предметов. В самом здании института нас ещё раз проверили и обыскали, а потом и вовсе выдали другую верхнюю одежду, которая поглощала любые электромагнитные волны. Затем, группа из военных сопроводила нас с Иваном к аудитории.

В большой лекционной аудитории расположилось порядка двух сотен людей. Среди них были военные, ученые, инженеры и просто люди руководящий должностей с доступом к секретности. Любопытно, что подобную дискуссию решили проводить именно тут, а не в здании государственной думы или ещё где-нибудь в специально оборудованном здании, ведь там уровень безопасности, наверное, должен был быть намного выше.

К тому моменту, когда мы вошли в аудиторию, в ней проходила шумная дискуссия. На наш приход никто особо не обратил внимание. Мы спокойно уселись за свободное место и принялись слушать разговоры ученых:

– ... и они смогли отрастить себе крылья? Так что ли? – говорил участник дискуссии, стоявший возле доски и, вероятно, до этого читавший доклад. – Нет, коллега, они получили генетический код от живого существа, путем заражения, а не поглощения!

– Но как, по-вашему, тогда вышло, что мутировавший глухарь смог увеличить свои размеры в восемь раз и при этом сохранить подъемную силу своих больших крыльев? – выкрик-

нул ученый с третьего ряда. – Ведь установлен факт, что у летунов – мутантов от глухарей – другой состав крови, параметры тела. Мы изучали сбитого недавно летуна.

– Как его организм смог претерпеть такие изменения всего лишь через два месяца после заражения? – задался вопросом ещё один человек. – Что это за такая молниеносная мутация? И почему сейчас, существуя в теплое время года, вирус не покидает зараженных и не переносится в воздух? Мутация оказалась необратимой?

– Я не понимаю, что вы ищете таким путем. Это не просто вирус или мутация, это оружие! Оно не ищет логических путей, оно стремится убить или подчинить себе все что может, – выкрикнул уже не молодой военный офицер, пытаясь перевести разговор в интересующее его русло.

– С заражением, передающимся воздушно-капельным путем, все уже однозначно, – начал отвечать на один из вопросов лектор у доски. – Инфекция претерпела мутации, жертвуя своими функциями перемещения по воздуху взамен на возможность манипулировать организмом зараженного существа и изменять его, коллеги. Суровые холодные температуры заставили его изменить свой генетический код. Поэтому вирус больше не окажется в воздухе, эволюция завела его слишком...

– Но как же нам быть с летунами? – перебил его человек в военной форме. – Как же остановить такое существо, раз оно умудряется уничтожать наши вертушки и технику? Мы свои три потеряли, чтобы одного сбить. Что будет дальше? Мутанты – медвединаучатся переворачивать БТР и вскрывать их, словно консервные банки? У них должны быть какие-либо слабости, нам следует найти их, чтобы обезопаситься.

– За то время, что мы изучаем этих существ, мы так и не смогли установить логические последовательности их поведения и действия, – начал диалог один из самых уважаемых и мудрых профессоров страны, все голоса и обсуждения в этот момент притихли. Седой, с широким лицом и большими квадратными очками, он стоял и создавалось ощущение надменностью его над всеми нами. – Зачем они нападают на нас? Почему? Что их мотивирует? – говорил профессор, периодически поглядывая на лектора и на всех сидящих в зале. – Быть может, они действуют, словно муравейник или большой улей, и воспринимают нас как потенциальных врагов и конкурентов в борьбе за право властвовать над Землей? Или думают, что мы всего лишь пища, расходный материал? Внешние свойства зараженных показывают, что бывшие когда-то стволовыми клетки стали наращивать, улучшать параметры и свойства существа, которое они заразили и смогли подчинить себе. А разум зараженного стал полноправной ячейкой их коллективного разума. Коллеги, как думаете, как они общаются между собой? – задал профессор вопрос аудитории, все сидящие стали переглядываться, что-то перешептываться, а профессор продолжил: – Телепатией. Именно телепатией они координируют свои действия. Данное свойство развили именно стволовые клетки и научили зараженных чувствовать и воспринимать друг друга на расстоянии. Это подтверждают эксперименты, где в двух разных комнатах сажали по зараженному, и после причинения ущерба одному из них, мозг второго резко активизировался. Сам зараженный метался из стороны в сторону и нервничал, притом, что он не знал о наличии соседа в другой клетке. Как иначе можно объяснить такое поведение?

Лектор, отвечающий на все вопросы у доски, внимательно слушал своего коллегу, периодически посматривая то на него, то в потолок и делал какие-то умозаключения, выводы у себя в голове, и когда профессор замолк, начал говорить снова:

– Петр Михайлович, в ваших словах есть много логики и смысла, подкреплённых фактами, – сказал лектор, обращаясь к ученому, а затем наконец обратил на нас внимание, вспомнив, что мы зашли. После, он посмотрел на экран своего телефона, вероятно, сравнивая наши лица и лица на экране, и продолжил свою речь: – Моя теория, к сожалению, не подкреплена в достаточной мере фактами, но имеет вполне логичное основание, некоторые же мысли я додумывал чисто на интуитивном уровне. Я считаю, что заражение – это не вирус и не бакте-

рия, а клетка, обладающая свойствами сверхживучести и приспособляемости, которая на первой стадии не захватывает под контроль функции живого существа, а вступает с ним в симбиоз, придает определенные свойства, временно ускоряет заживление ран, и крадет генетический код человека, проникая и встраиваясь во все его системы жизнедеятельности. Я же вам продемонстрировал на прошлой неделе опыт с подопытными образцами! Два раненых существа: один заражен, второй нет. Тот, что был заражен, перестал истекать кровью уже через пять минут, а через час существо полностью потеряло над собой контроль, стало терять внешние признаки своего прошлого. А плоть им нужна для абсорбции³ строительного материала, восстановления и мутаций. Не исключено, что зомбированные и мутанты сейчас, в этот момент где-то испытывают мутации и метаморфозы. Но, знаете, далекий путник заглянул к нам сегодня, – сказал лектор и указал на нас с Иваном рукой. – Встречайте: жертва по делу «Зацветшая резня» и прямой родственник одного из создателей этой страшной угрозы. Он рос и развивался в обстановке и духе создателей стволовых клеток. Сегодня он поведаст нам о началах и формулах, а также об экспериментах этой разработки, и, возможно, прольет нам свет на все наши теории, – добавил рассказчик и сел на трибуну, давая мне слово.

Сидевшие люди стали перешептываться и что-то кратко обсуждать. Я же чувствовал себя неловко, ведь мне никогда ещё не приходилось общаться с таким большим количеством людей. Немного собравшись с мыслями, я встал с места, обернулся к сидевшим в зале и начал свой рассказ:

– Вы знаете, мой отец мало что рассказывал мне об этих разработках, но я расскажу все что знаю. На одном из экспериментов, где применялись различные подтипы этих стволовых клеток, участвовало около пятидесяти лабораторных мышей. Каждой из них была введена специальная сыворотка, а, затем, животным нанесли режущее ранение, чтобы проверить функции и скорость заживления ран. Подтипы стволовых клеток отличались химическим составом, активностью и другими свойствами, но некоторые из них были выведены из генетического кода смежного существа, в данном случае – мышей. Двадцать пять мышей вылечились либо под действием этих клеток, либо от их бездействия. Ещё двадцать четыре мыши умерло. У них были патологии, в основном – быстро растущие онкологии. Но одна мышь видоизменилась. Она стала чуть больше, гораздо сильнее и агрессивнее, когти на лапах выросли, а сама мышь пыталась выбраться из клетки, в которой она сидела. И ей удалось бы это сделать, если бы на это вовремя не обратили внимание ученые. Её не смогли усыпить, отравить ядами – она была устойчива ко всему этому. Её усадили в более серьезную и прочную клетку, выбраться из которой у неё не хватало сил, и изучили более подробно сыворотку, вызвавшую мутацию. На её основе, они создали другую, которая разрушила мутированные клетки крысы и убила её. Сыворотка, из-за которой крыса изменилась, имела в своем составе человеческий ген жестокости. Это был всего лишь любопытный эксперимент, а он показал это, – на несколько секунд я взял паузу, и продолжил: – Все сыворотки и все гены были строго задокументированы, в том числе и с геном жестокости, чтобы ученые в следующий раз не попытались повторить эксперимент...

– Для чего они хотели использовать ген жестокости? – спросил лектор, который стоял у доски и рассказывал до меня.

– Я не биолог, честно говоря, но могу предположить, что это было сделано с целью увеличения живучести и выживаемости клетки, ведь именно сильнейший организм выживает в природе. Некоторое время спустя, произошла так называемая «Зацветшая резня», и все документальные материалы улетели в другие руки. Результаты – очевидны. У вас есть ещё вопросы? – закончил я.

³ Абсорбция – поглощение.

Все сидящие в аудитории молчали, не знали, что спросить или просто о чем-то думали. Затем, постепенно, люди стали общаться между собой, снова стало шумно. Лектор встал и громким голосом спросил:

– Вы помните хотя бы формулы или цепочки этих клеток?

– Как я уже говорил – я не биолог, этого я не знаю. Но эта информация могла остаться в доме моей семьи, некоторые записи отец смог припрятать.

После этих слов дискуссия снова затихла, и через некоторое время немолодой ученый встал и произнес:

– Молодой человек, как, по-вашему, сможем ли мы придумать способы выжить и уничтожить мутированных, придумав эту самую сыворотку, основываясь только на ваших словах, а не на формулах и реакциях? И откуда вам известно, что ваш прямой родственник мог спрятать записи? Вы их видели?

– Отец как-то проговорился... вскользь. Не знаю, у меня есть предчувствие на этот счет. Ну не может быть, что серьезный проект и так просто отдать в руки негодяям – это не похоже на моего отца. Вы его не знаете, однако я знаю, – говорил я, пытаясь доказать ему, что сыворотку ещё можно создать.

– Предчувствие – это элемент веры, а не науки. Сегодня, мы хотим выжить, а не поверить. Если бы вы могли нам представить доказательства – аудиозаписи, видеозаписи, что ваш отец спрятал там информацию, но у вас их нет, я полагаю, – говорил профессор.

– Нет, к сожалению... ничего нет, – закончил я с досадой.

– Тогда ваши слова не имеют смысла! Мы не будем тратить время и военные ресурсы, осуществляя поиски неких якобы спрятанных записок. Сядьте, пожалуйста, и не мешайте разговаривать более знающим людям, – закончил свой монолог профессор.

– Хорошо, мы вас услышали, – подытожил лектор. – Можете идти. Если что, мы вас ещё раз вызовем к себе для уточнения информации.

Нас с Иваном благополучно выпроводили из аудитории, где, по всей видимости, мои слова посчитали бредом и богатым воображением. Они ожидали, что я буду им рассказывать и показывать формулы, приводить теоремы, но на деле я рассказал только общие сведения. Участники дискуссии подождали, пока мы не покинули аудиторию, а затем вновь продолжили свои речи и теории.

Вернувшись в гостиницу, я сразу же позвонил Зорину:

– Не поверили они мне, Иван Митрофанович. Слишком мало информации, я же не биолог, – сказал я, пожимая плечами. – Нет у меня знаний по генетике и свойствам стволовых клеток.

– Ладно, сынок, не волнуйся, – поддержал меня полковник, – мне будут повышать звание до генерала, поскольку моим приказом смогли остановить зараженных и не пустить их южнее. Сказали, что в Москве будет торжественная часть, через два дня. Как доберусь – поболтаем лично. А теперь отдыхай.

Я не был сильно расстроен тем, что мои слова не помогли исследовательскому отделу. После краткого общения с ними, я был рад оказаться в домашней спокойной обстановке и теперь размышлял о том, что армия и военный подход смогут лучше защитить остатки человечества от страшной угрозы зараженных, чем пустые поиски этой формулы где-то далеко в глубине опустевших земель. Вскоре думу мою прервала идея Ивана сходить выпить в бар, и я согласился.

Мы уселись за стол, официант принес нам по бокалу пиву и немного закуски.

– И что, чем ты теперь будешь заниматься дальше? – начал разговор Иван, отхлебнув хмельного напитка.

– Наверное, вернусь назад, в Петербург. Найду себе работу, а после уйду в отшельничество. Говорят, в районе Архангельска ни людей, ни мутантов, идеальная тишина и покой. Поселюсь там где-нибудь в брошенном доме.

– Что же ты так резко? – удивился он. – А как же семья? А перспективная работа? А вклад в выживание, в конце концов?

– А кому я нужен? – ответил я ему и тоже отхлебнул из напитка. – Врачи сказали, что при удачном стечении обстоятельств протяну шесть или даже восемь лет, полноценную семью за это время не создать. С перспективами тоже все не ясно, ну а что касается вклада... Что я могу сделать? Как я могу помочь? Никак. Я не солдат, не врач и даже не ученый, а просто сын одного бывшего изобретателя. И сегодняшний день подтвердил это: мои знания бесполезны.

– Я бы не стал так резко говорить, – высказал Иван и закинул в рот немного закуски. – Кто его знает, что будет в этой жизни. Сегодня никто не интересуется тобой и твоими знаниями, а завтра все да наоборот.

– Мне жаль это говорить, Ваня, но к тому времени я уже совсем слягу. Лучше ты скажи, чем теперь заниматься будешь?

– Хорошо стонать! – подбодрил меня товарищ. – Живи и наслаждайся жизнью, лично я сам планирую так делать. А я, наверное, когда вернусь в Петербург, то снова в боевую машину, пока там мое место. Быть может, за боевой опыт получу офицерские погоны, а там и в офис пересяду. Вот тогда о семье начну думать. Ну или где тебя найти, чтобы вписаться и устроить дикую попойку, – добавил он с усмешкой.

– Далеко идти придется, – ответил я ему такой же мимикой. – Надеюсь, у полковника тоже будет все хорошо.

– У полковника – не знаю, а у генерала точно, – ответил он. – Давай за генерала Зорина.

– А давай, – ответил я, и мы дружно чокнулись кружками.

Два дня мы с Иваном ждали приезда полковника Зорина. Всё это время мы шатались по всей Москве: гуляли по разным местам, вечерами сидели в барах и обсуждали все на свете. Разговоры начинались с простейших отношений о насущных проблемах и заканчивались философией, смыслом жизни и незнанием, что делать дальше. Мы занимали свободное время всем, чем только можно было занять, но в первую очередь – отдыхали. И одно я стал замечать, что так же, как и в Петербурге, люди здесь веселились и развлекались, всеми силами стараясь забыть страдания, чтобы снова вернуться к нормальной размеренной жизни. Но вот странная закономерность у них всех просматривалась: чем больше они пытались так забыть потери, тем сильнее страдали от этого.

За эти два дня я сильно сдружился с Иваном. Этот товарищ умудрялся каждый день найти какое-то интересное приключение и втянуть меня в него. Тем не менее, я старался сильно не привязываться к нему, рассчитывая в будущем уйти в отшельничество. Я перестал думать и страдать о прошлом, о неудачах в жизни, размышлял о том, какой у меня будет домик, и надеялся больше не участвовать в большой игре между человечеством и зараженными. Так я продолжал думать, пока не приехал Зорин. Генерал Зорин. И приехал он на свое торжественное награждение.

Награждение же было действительно торжественным: много гостей, яркие краски, приятная закуска. Мы с Иваном были приглашены как гости и сидели, кстати, в одном ряду с некоторыми военными и учеными из лектория МГУ, рядом с серьезными военными людьми, которые пришли поздравить новоиспеченного генерала. Зорина поздравили, вручили ему медаль, новые погоны, – все было пафосно и красиво. Помимо него ещё некоторым другим военным лицам тоже вручили награды, весь этот процесс постоянно снимало телевидение.

Почти сразу же после мероприятия, ближе к ночи, мы с генералом – Иваном Митрофановичем и другим Иваном прогуливались по набережной. Статный офицер теперь стал выглядеть

совсем по-другому. Он сменил свой мундир на новый, с четырьмя генеральскими звездами и наградой «За оборону Петербурга», а его взгляд стал более спокойным и рассудительным.

Погода улучшилась, стала ещё более теплой и благоприятной. Не удивительно, что наши разговоры сразу пошли по делу:

– Поздравляю вас с повышением звания, – выговорил я скромно. – Теперь вы будете генералом шестой общевойсковой армии?

– Да, буду, – ответил он меланхолично и хладнокровно. – Однако, я не единственный, кто с сегодняшнего дня вступает на новой должности. Один ученый посчитал твои слова логичными и предложил навестить твой родительский дом, чтобы найти эти документы и наконец-то вернуться к идее разработки сыворотки. Но вот проблема: самолеты сейчас не летают из-за опасных летающих мутантов, а организация воздушного конвоя без четких причин сейчас запрещена, поэтому, – говорил он, периодически почесывая подбородок, – до Урала добраться необходимо на наземном транспорте, а желательно на поезде. Ситуация осложняется тем, что Урал – это зона карантина. Там военные ещё не бывали и не делали ни зачистки, ни даже банальной разведки, поскольку дело это до поры, до времени было бессмысленным и затратным. Там ещё долго никто жить не сможет и не захочет осваивать землю заново, даже когда заражение будет полностью уничтожено.

– Звучит так, словно мы инструктируете меня, что мне следует делать, – ответил я с усмешкой.

– Боюсь, что послать мне больше некого, – проговорил он с досадой в голосе. – Знаю, что у тебя болезнь, но ты единственный, кто сможет найти эти документы. Если на операцию согласятся другие люди, успеха у них будет значительно меньше, ведь они не знают всех особенностей и секретов. Ну как, ты готов принять участие в операции? Если откажешься, я все пойму, – добавил он и замолк.

«Принять участие в новом приключении? Быть может, это дело будет единственным в моей жизни, которое принесет пользу всем остальным», – думал я. – «Это будет опасный поход, очень опасный. Но терять мне все равно нечего».

– Готов, – ответил я твердо.

– Хорошо, – добавил он. – Тебе, верно, понадобится команда, но военных сейчас мало. Люди психологически раздавлены, призывать людей даже по контакту стало сложно. Более того, брать действующий военный отряд и посылать на Урал на такое неофициальное задание – дело противозаконное, мои действия резко раскритикуют, когда не досчитаются солдат, и меня отстранят от службы. На сегодняшний день, недалеко от Урала есть городок, Уфой называется. После эпидемии город выстоял, не без боев, конечно, но смог, много беженцев принимал с северного Урала и ближних территорий. Мы с ними имеем радиокontakt и периодически обмениваемся информацией.

– Хорошо, и как мне это должно помочь? – спросил я генерала Зорина.

– Не мне, а нам, – перехватил мой друг Иван. – Как это, приключения, и без меня? Хех, не, так не пойдет, – добавил он со смехом.

– Хорошо, – добавил я и затем вернулся к прошлой теме для разговора: – Как нам это должно помочь?

– В Москве есть люди, которые очень хотят попасть в Уфу. Может дом у них там, может просто хотят уехать подальше отсюда. Суть в чем: эти люди отлично подойдут для вашего путешествия на восток, ведь путешествие подразумевает большое число опасностей и проблем, и лучше путешествовать не вдвоем, а большой, хорошо вооруженной и подготовленной командой. Когда доберетесь до Уфы, то ваши путники останутся, а вы поедете дальше. Ваш поезд будет оборудован различным оружием, броней, провизией и экипировкой. И что главное – если на путях возникнут сложности, то вы можете спокойно бросить его и пересесть на авто-

мобиль, который мы также оборудуем и установим в один из вагонов, но в нем будет уже не так безопасно, как в поезде. Как вам такая идея?

Мы переглянулись с Иваном, а затем вынесли вердикт:

– Идея неплохая, – подытожил я, – вот только путешествие будет действительно опасным. Я как бы после операции, не забывайте.

– Я помню, – перебил меня Зорин. – Потому и поедешь с Иваном, он точно знает, как тебя надо прикрывать.

– Хорошо, но у меня есть ещё вопросы. Известен ли маршрут, по которому мы поедем? – спросил я у генерала.

– Маршрут сейчас рассчитывается, – ответил он, – нам помогает небольшая группа единомышленников во главе с ученым, который нам поверил. И да, у меня есть просьба – об этом всем помалкивать, хорошо? – мы с Иваном молча кивнули, а затем Зорин продолжил: – После подготовки мы вам обязательно все расскажем и объясним подробнее.

– Подготовки? – поинтересовался Иван. – У меня уже есть подготовка, – произнес Иван и продемонстрировал свои бицепсы.

– В тебе никто не сомневается, Ваня. Но вот только у других её нет, – и кивнул на меня. – Подготовку начнем, когда наберете людей. В сумме надо не меньше шести человек.

На следующий день мы развесили объявления на улицах и в интернете. Нам повезло, и людей мы набрали достаточно быстро.

Никита Златов пришел одним из первых к нам, как только мы подали объявление. Это был невысокий и не совсем атлетически сложенный человек, с небольшими шрамами на руках и ногах, черной прической и голубыми глазами. Его семьи, как и он сам, были коренными москвичами. В день, когда весь мир накрыла страшная эпидемия, члены его семьи отдыхали за границей. От осознания того, что он остался совершенно один, его разум и чувства помутнели и затянулись горем. Единственным выходом для него оказалась возможность начать жить заново, переехать туда, где он ещё не бывал, такие мысли приходили ко многим в это время, но другим просто не хватает смелости. Сам Никита не был выдающимся спортсменом или ученым, он являлся инженером и разрабатывал комплектующие для техники и микроэлектроники, был умным и разносторонне развитым человеком. Он не был физически развит, но любил заниматься спортом в своё удовольствие, а ещё у него было интересное хобби – он изучал историю древнего мира и был превосходным стрелком, много охотился. Психологически Никита являлся немного закрытым человеком и часто любил находиться в одиночестве. Златов многое потерял, многого лишился, таким людям терять было абсолютно нечего, поэтому он и присоединился к нам.

Вова Смирнов и Маша Яковлева пришли вечером в этот же день. Изначально, они жили в Уфе, семья их осталась там же, а сами они любили друг друга ещё со школы. В Москве они учились и получали высшее образование, им было всего по девятнадцать лет, когда произошла катастрофа. Характер у них был на удивление спокойным и добродушным. Когда все вокруг угрюмые, побитые жизнью и скверной эпидемией, они вместе улыбались и не унывали никогда, чтобы ни происходило. Теперь они хотят вернуться к семье, на свою малую родину, где у них будет дом и шанс начать спокойную размеренную жизнь. В отличие от Никиты, жизнь которого постепенно съедало горе, Машу с Вовой двигали цель и желание вернуться к родным, которые на их счастье, остались живы и невредимы. Вова не был спортивным человеком, но у него были хорошие навыки в оказании первой медицинской помощи, да и вообще, он учился на хирурга и руки у него были золотыми. Маша же была превосходным спецом своего дела, несмотря на свой молодой возраст, она была психологом – просто идеальный член нашей экспедиции.

Последним участником экспедиции стал Салман Буранаев. Так же, как и у Вовы и Маши, у него под Уфой была семья, и им тоже двигала возможность вернуться к родным, но по последним слухам члены его семьи перестали быть людьми. Чтобы убедиться в этом, он решил вер-

нуться туда и получить свое наследство, присоединяясь к нашей экспедиции. Среднего роста, русоволосый и немного полноватый, Салман был машинистом тепловоза. Он знал, как управлять поездом, прекрасно понимал тонкости управления большой машиной. После катастрофы Буранаев планировал пройти военную подготовку, чтобы стать участником армии зачистки и обороны. Проблемы со здоровьем не позволили ему переносить физические нагрузки, связанные с выполнением важных военных миссий, и его не допустили к военным действиям. Забавно, что он был безумным болтуном, разговаривая в любой момент времени по поводу и без. Во всём он старался искать что-то веселое и жизнерадостное.

К сожалению, больше к нашему отряду никто не захотел присоединяться – смелых оказалось совсем немного, да и я, если честно, не вхожу в их число. Шести человек для такого похода будет весьма маловато, но ждать уже было нельзя. Зорин что-то говорил про то, что стволовые клетки, которые сейчас находятся в телах зараженных, покинут тела в скором времени, когда придет жара. Затем они снова начнут размножаться и делиться в воздухе с огромной скоростью, приговаривая остатки человечества к смерти. Я бы, конечно, поспорил с ним, поскольку был согласен больше с учеными из института, но кто его знает, что ещё ему мог рассказать отец. Всегда так бывает – мы стараемся верить и надеяться в то, что нам действительно хочется, игнорируя, при этом, все, что может произойти по факту. Поэтому Зорин решил, что терять время на поиск новых людей больше не стоит.

Иван Митрофанович выполнил свое обещание, и после набора отряда мы начали проводить серьезную физическую подготовку. Ему дали отпуск на две недели по случаю получения нового звания, все это время он посвятил нам, чтобы заняться с нами только одной подготовкой. Этого времени, конечно, будет недостаточно для полноценной подготовки, но мы сможем усвоить базу и хоть как-то будем готовы к встрече с серьезной опасностью. В течение двух недель, каждое утро мы вставали и бегали сначала по пять километров, через несколько дней по семь, а со второй недели и по десять. После бега мы отжимались, подтягивались, а затем немного спарринговались друг с другом и изучали боевые приемы до двенадцати дня. После боевых тренировок мы снова отжимались и качали пресс до изнеможения. Все это несло больше не физическую закалку, а психологическую, чтобы мы были готовы ко всему и даже потерять кого-то из своих, не лишаясь при этом своего рассудка. Единственные, кому давали поблажки – это мне и Маше, хотя девушка все равно старалась тренироваться наравне со всеми. Порой я не получал даже и половины всей нагрузки, которую испытывали остальные ребята, и от этого мне было немного стыдно.

Периодически мы выезжали на стрельбище и тренировались в меткой стрельбе. В наших руках оказывался АК-74, его пулеметная модификация, стреляли из пистолетов разных типов и калибров. Стреляли так же из пистолетов-пулеметов, из оружия иностранного образца и из снайперских винтовок типа СВД и СВУ, обучаясь применять различные боевые тактики в разных ситуациях.

После выматывающих тренировок следовал большой обеденный перерыв на два часа, а после него мы отправлялись на железнодорожную станцию и собирали состав поезда, снаряжая его инструментами и броней. Не остался без модификаций и автомобиль, наш аварийный выход из самых печальных ситуаций.

Поезд начинался с тепловоза, работающего на дизельном топливе. Тепловоз подсоединялся к пассажирскому вагону-купе, где мы должны будем отдыхать. За пассажирским вагоном, следовал вагон грузового типа, где располагались контейнеры и стойки с оружием, амуницией, броней, одеждой, провизией и запчастями. После этого вагона шел вагон с автомобилем. У него с боку была большая откидная дверь, открыв которую можно было без проблем съехать на машине, не беспокоясь о повреждении подвески. Последним вагоном была цистерна с дизельным топливом. Хотя бака в тепловозе должно хватить на неделю поездки, в дороге могли возникнуть проблемы, из-за которых возможно придется менять маршрут следования.

Поезд оказался оборудован на полном серьезе, как и обещал генерал Зорин. На такой боевой машине мы бы могли отправиться хоть на край земли, не то что на экспедицию в Уфу.

В автомобиль мы установили спутниковую рацию и систему связи, чтобы можно было связаться с Зориным или другими людьми через спутник. Также для поддержания связи в поезде, мы решили использовать рации с дистанцией работы не более одного километра, но с большим запасом заряда батареи. Спутниковая рация в автомобиле требовала открытого пространства и развёртывания спутниковой тарелки. Данный вид связи можно было переключить на другой режим работы, где в качестве приемника спутниковой связи могла выступать ближайшая вышка, в этом случае не обязательно было разворачивать тарелку. Ближайший спутник связи в момент времени, когда потребуется первый сеанс связи с генералом, располагался где-то над Поволжьем. Следующий сеанс связи будет недалеко от Уфы, там я свяжусь с ним повторно. Когда я приеду в Синевой, через другой спутник я свяжусь с ним ещё раз, и буду постоянно держать связь, получая одни инструкции за другими.

Мы приварили несколько лестниц к цистерне и локомотиву, чтобы можно было по ним карабкаться в процессе движения поезда, и небольшое пулеметное гнездо на эту же цистерну с мощным пулеметом противотанкового калибра. Ещё две пулеметных стойки слева и справа мы приварили в пассажирском вагоне, чтобы можно было защитить поезд со всех сторон. В остальных вагонах мы обошлись бойницами, а весь состав обшили броней, которая была срезана от старой брошенной военной техники. Состав был коротким, но оказался тяжёлым из-за амуниции, брони и прочего груза. В довершение нашей работы, мы его немного разукрасили в зеленые камуфляжные оттенки.

Практически все то оружие, что мы использовали на стрельбище, вошло в наш арсенал на поезде. Среди них было с десяток пистолетов, пять автоматов Калашникова, два пистолета-пулемета, две снайперские винтовки и несколько ракетниц для подачи визуальных сигналов.

Все события, начиная с простых разговоров с Зориным и заканчивая нашей работой над поездом, уложились ровно в две недели. Мы с ребятами сильно сдружились, стали понимать сильные и слабые стороны друг друга: Иван играючи управлялся с тяжелым крупнокалиберным оружием и в ближнем бою ему не было равных, но страдал неосторожностью. Никита оказался прирожденным снайпером, но слабым бойцом ближнего боя. Салман мог чуть ли не на ходу ремонтировать или заменять сломанные детали, а также неплохо справлялся с легким оружием. Мы с Владимиром и Машей научились более-менее обращаться с автоматами и пистолетами-пулеметами, вдобавок к этому я ещё смог осилить и переносной пулемет. Все же небольшое военное прошлое дает о себе знать. В конце второй недели, перед самым отъездом, мы собрались все вместе, отметили завершение нашей подготовки и начало нашего большого путешествия. Зорин, наконец, поведал нам о маршруте:

– Ваш путь ляжет от Москвы до Черусти, потом курс сменится на восток вплоть до Казани, там сейчас активно строится большая военная база. Вы поедете дальше до села Агрыза. До Казани ваш путь будет безопасным, по этому маршруту постоянно ходит техника, которая отвозит в Казань ресурсы и материалы. Но вот начиная от Казани и дальше – пока ещё никто не ездил, именно там и начинается карантинная зона. Когда ваш путь приведет вас к Агрызу, вы должны повернуть на юг и ехать до Акбаша, а затем снова на Восток. Там уже немного останется до Уфы, с вами уже свяжутся и проинструктируют, что делать дальше. Когда попадете в карантинную зону, проверяйте рельсы на целостность, визуально и с помощью акустического устройства. Однако не забывайте о других опасностях, следите за каждым кустом, каждым шумом, будьте все время начеку. Нашей разведки не хватает полностью охватить пути движения зараженных и их количество, так что надейтесь только на себя, на свои глаза и уши. Не забывайте помогать друг другу, кроме вас там вам никто не поможет. Вы будете совсем одни.

Утром мы все экипировались в военную камуфляжную одежду, собрали свои вещи и закинули их в поезд. Зорин попрощался со всеми, а затем остался со мной один на один, чтобы попрощаться лично:

– Ладно, сынок, путешествие будет полно опасностей, ты уж береги себя.

– Вы тоже себя берегите, Иван Митрофанович! Звоните, как связь появится.

Мы обнялись на дорожку, словно два родных сцепленных душою, человека. Так и есть, мы практически сроднились. Моя семья дружила с ним очень давно, он был единственным, кто сегодня связывал меня с моей семьей, теперь и я сдружился с этим молчаливым и серьезным человеком. И вот, мы снова прощаемся, теперь уже надолго и неизвестно, увидимся ли снова. Впервые за долгое время я увидел, как он улыбается, и в этот момент времени я искренне обрадовался за этого человека.

Каково это, потерять за один вечер свою жену и ребенка? Что испытывает человек после этого, о чем думает? Он возвращается в свой дом, где его теперь больше никто не ждет, засыпает и просыпается совсем один. В таком большом возрасте очень трудно начать жить заново, сложно создать новую семью. Но что же будет с Зориным? Будет ли у него ещё семья, да и встретимся ли мы снова? Никто не знал ответа.

Наконец попрощавшись, мы уселись в поезд, и когда он тронулся, я еще долго смотрел вслед генералу Ивану Митрофановичу, надеясь ещё раз его увидеть в этой жестокой и не прощающей ошибок, жизни.

Поезд покинул территорию вокзала, здания Москвы пропали из виду. Нашему взору открылись леса, безлюдные и опасные. Мы же, словно маленькие дети, оставшиеся без присмотра своих родителей, были предоставлены сами себе и мерно двигались на восток, начиная свою одинокую экспедицию, полную опасностей и приключений.

Глава 3: Попутный ветер

Ураган несет мне только благо,

*Он дует в паруса и разгоняет бриг.
Прикрикну я матросам браво:
Брамселя спустите вниз, и вмиг!*

*Промчу я все моря и океаны,
Лишь буйный нрав мне свой унять.
Такие будут мои планы,
Осталось самому мне их принять.*

Погода нам благоприятствовала – ни одного облачка на небе и теплая весенняя погода. Локомотив без особых проблем тянул за собой весь состав, никаких нештатных ситуаций и неисправностей не наблюдалось. Салман был отличным машинистом – знал где, что и как включается. Хотя нас и обучали, как пользоваться большой многотонной машиной, давали инструкции в бумажном и электронном виде, инструкции эти были только общего плана, а Салман управлял, обращая внимание на мелочи и демонстрируя виртуозные навыки управления машиной. Попутно, он и сам нам рассказывал, что надо включать, опираясь уже на свой собственный опыт.

Вторым человеком по уровню управления с большим отрывом от Салмана оказался Никита: все же инженерный навык понимания дел давал о себе знать. В плане управления поездом, мы разбились на пары так, чтобы в кабине всегда сидело два человека, и распланировали вахты по пять-восемь часов, но только до зоны карантина, в карантинной зоне мы условились сократить смену до стабильных пяти часов, чтобы члены экспедиции не утомлялись сильно и могли хорошо осматривать окрестности. Первую смену отсиживали мы с Салманом. Все остальные разбрелись по поезду.

«Теперь мы остались одни, теперь нам никто не поможет», – повторял я в своей голове слова Зорина. – «В Питере на танке я кое-как добрался до центра, и сам танкист успел обратиться. А до Синего ехать долго, несколько суток без перерыва, так ещё документы там искать, а затем возвращаться обратно. Это такой сложный путь... Получится ли у нас добраться хотя бы до Уфы?»

– Давно не водил я бичевозы⁴, – прервал Салман ход моих мыслей, едва мы выехали в московскую область. Я взглянул на него удивленным лицом, не понимая сказанных им слов. – А Зорин то, вон какой молодец. Пылесос⁵ где-то нашел с плугом⁶ цифровым. Тут тебе компьютер с монитором, все потроха видны. А вот палку кидать⁷ только через ручные механизмы, – говорил он, обращая внимание на меня, попутно проверяя, что я его слушаю. – И правильно, такой механизм лучше доверить человеку, а не автоматике.

– Это какой-то сленг машинистов? – спросил я для уточнения.

– Да, именно, – ответил он. – Порой забываю, что рядом со мной сидит не машинист. Примечательно, – вернулся он к разговору, – что самые важные компоненты – направление, тяга, тормоза – ручное, а все остальное задается с компьютера. Такое чувство, что конструктора не доверяли автоматике.

– И не зря, – подчеркнул я. – Система удобная, простая, но надежная ли? В нашей ситуации поломка такого непростого механизма будет нам дорого стоить. Мы ведь через разные опасности будем проходить, нехорошо, если системы управления пострадают от рук мутантов и выйдут из строя.

⁴ Тепловоз с одним-двумя пассажирскими вагонами (сленг).

⁵ Тепловоз ТЭП70 (сленг).

⁶ Пульт управления машиниста (сленг).

⁷ Переключить на увеличение тяги контроллер машиниста на одну позицию (сленг).

– Смеешься? – усмехнулся он. – Как, по-твоему, толпы зараженных смогут нам помешать проехать?

Ещё в Петербурге Иван Митрофанович наставлял меня, как правильно вести себя в чрезвычайных ситуациях. Он говорил, что иногда от людей надо скрывать некоторую информацию, чтобы человек не впал в ступор, в панику и не растерялся. Я подумал немного, надо ли ему говорить о том, что мир теперь населяют отнюдь не маленькие существа, гражданские люди, обычно, не знают об этом. Почесав затылок, все же я рассказал:

– Жнец может. Это чудовище не остановить обычным локомотивом, даже танки его не берут. Раньше с одним таким сталкивался в Петербурге, чуть город не уничтожил. О Жнецах многие слышали, но не многим удалось уцелеть после встречи с ним. Они заводятся в больших городах, обычно, с развитой подземной инфраструктурой, манипулируют зараженными, делают их опаснее в разы. А ещё есть летуны – мутанты глухарей, и бегуны – мутанты медведей, которые, как говорят, появились, сравнительно недавно и могут существенно повредить технику как наземную, так и воздушную. Как думаешь, почему на гражданских самолетах сейчас не летают и не перевозят грузы?

Салман о чем-то призадумался, видимо догадавшись о причине моих опасений. Некоторое время спустя, он продолжил разговор, в его голосе стали ощущаться нотки неуверенности:

– Странно, не знал, что есть ещё что-то, что может быть больше обычного человекоподобного зараженного. Кроме Жнеца, разумеется, о нем я слышал. Говорят, эти твари захватили Самару, Челябинск и многие большие города, которые долго сопротивлялись. Как ты думаешь, – спросил он меня все с той же ноткой неуверенности в голосе, – если нам по пути встретятся такие существа, мы сможем дать им отпор?

– Думаю, что нет смысла драться с ними, пока у нас есть множество обходных путей. В конце концов, что нам мешает бросить состав и пересечь на машину, а затем укрыться в лесной чаще? – спросил я товарища, однако тот замолк. – Генерал хорошо нас выдрессировал, мы самая толковая и подготовленная команда на свете, мутантам с нами не справиться, – добавил я и по-дружески похлопал Салмана по плечу, стараясь вывести его из состояния беспокойства.

– Да уж. В любом случае, если мы выжили в суровых тренировках генерала Зорина, то какая-то там карантинная зона нам точно не страшна, – добавил товарищ и снова смолк.

Лиственные и хвойные деревья, освещаемые яркими лучами дневного весеннего солнца, стремительно бежали друг за другом. Мы уезжали все дальше и дальше от центра человеческой цивилизации, приближаясь к её окраинам.

Поезд ехал небыстро: мы опасались встречи с неприятелем, старательно высматривая зараженных и прочих нехороших живых существ, которые могли нам встретиться по пути. Пару раз мы останавливались, пропуская впереди идущий транспорт в пути по одной колее, а затем продолжали движение дальше. Путь был один для всех поездов в том направлении, так что не требовалось останавливаться возле стрелки и переводить её. В крайнем случае, за человека эту работу выполняла автоматика, поскольку электричество действовало вплоть до самой Казани. Многие деревни и поселки, которые нам встречались, были абсолютно пустыми, а вот города побольше все же имели обитателей. В основном, это были бывшие до катастрофы богачи и высшее чиновничье сословие, которые не желали жить в большом перенаселенном городе. Они имели свою личную охрану, телохранителей и транспорт, потому не опасались за свою жизнь. Помимо них, в городах обитали также военные и ученые. Однако те города, в которых население было когда-то больше сотни тысяч, продолжали жить своей жизнью. Пару раз мы заезжали в такие города на нашем пути, где выпивали по чашке чая, и двигались дальше. С некоторыми военизированными обитателями городов и сел, мы встречались на остановке и спрашивали обстановку. «Все тихо и спокойно, ребят. Езжайте дальше», – был их ответ. Взамен наших вопросов, они задавали свои: «Куда едете, что делаете»? А мы и отвечали, как нас наставлял Зорин: «Экспедиция Москва-Уфа». Все задающие горько и противно скорчивали

свои гримасы, словно говоря нам: «У нас тут весь мир в труху, людей, техники не хватает, а им дали поезд для экспедиции». К слову, только мы с Иваном знали об истинной цели такой экспедиции, все остальные были уверены, что мы все вместе двигаемся в Уфу. И говорить об этой цели ни в коем случае было нельзя.

Во второй половине меня решил сменить Никита, ссылаясь на все те же поблажки. Несмотря на это, я с радостью вернулся в купейный вагон, пообедал, а после решил заглянуть в соседнее купе, где сидел Владимир. Остальные же участники экспедиции находились где-то в других частях состава и несли свое дежурство.

– Чем занимаешься, Володька? – спросил я у него, постучавшись у входа.

– А, это ты, – ответил он, обратив на меня внимание. – Да так, навожу небольшой порядок в вещах, – говорил он, продолжая все раскладывать по местам. – Не было времени разобрать вещички, так что буду заниматься этим сейчас, пока есть время.

– Занятие полезное, надо сказать, – заметил я. – Я вот свои пока распаковывать не буду. Ну, мало ли что.

– А я верю в нас, – подбодрил товарищ, поняв тон моих слов. – Верю, что мы доберемся до Уфы, и все будет у нас хорошо. А если необходимая вещь или инструмент под рукой окажется в нужный момент, то можно будет избежать некоторых неприятностей или спасти жизнь человека, если он пострадает.

– Не – не – не. Не надо нам таких ситуаций, – усмехнулся я саркастично.

– Да ладно, – махнул он рукой. – Главное, чтобы каждая вещь знала свое место. – Иначе, пользоваться ей будет неудобно.

– Вот и с людьми бывает также, – сказал я самому себе вполголоса, услышав ответ Смирнова.

– Что что, говоришь? – спросил он у меня, не расслышав.

– Да так. Ничего особенного.

– Вовка, ты скоро? – прибежала в купе Маша. – Там Иван ругается, что ты не на посту. И почему рацию не включил?

– Да иду, иду, – заторопился он. В одну минуту завершив свои бытовые дела, он включил рацию. Из неё сразу же зазвучал сердитый голос Ивана.

– Ой. Похоже, надо быть чуточку внимательнее, – ответил он неловко, поняв свою ошибку, а затем побежал в сторону вагона с автомобилем.

– Ты-то, я надеюсь, не будешь вещами сейчас заниматься? – спросил я у Маши.

– Не, – ответила она простодушно, – у меня они уже давно все уложены.

После кратенького разговора, я прилег и незаметно задремал. Позже, Салмана и Никиту сменили Вова с Машей, а Ваня забрался в последний вагон в пулеметное гнездо, вероятно, чтобы просто побыть в одиночестве. Можно было понять его стремление уединиться, ведь меня самого тянуло туда же.

Ближе к вечеру мы остановились возле Канаша, где нам пришлось пропустить идущий транспорт. Тридцать минут остановки рядом с военными позволило дать небольшой отдых ребятам и возможность расслабиться, и после отдыха наш поезд двинулся дальше. К этому моменту я хорошо отоспался и занял пост в вагоне с автомобилем, а Маша, место которой я занял, пошла отдыхать вместо меня.

Время близилось к вечеру. Солнце постепенно уходило за деревья и холмы на западе, освещая природу красивыми желтыми переливами света перед нами. Уже относительно недалеко от Казани, на фоне желтых вечерних красок, Никита поднял боевую тревогу.

Наш поезд постепенно приближался к пересекающей наш путь орде зараженных. Она была большой, но рассредоточенной, между зараженными было по несколько метров, но этой плотности мутантов уже было достаточно, чтобы начать беспокоиться. Опаснее в этой ситуации было больше то, что расчёт военных об их отсутствии здесь был ошибочным. «Если ошиб-

лись один раз, ошибутся и сотню других», – промелькнуло у меня в голове. Тысячами – они шли все в одном направлении, попутно оборачивая на нас свои головы и, провожая взглядом, двигались дальше. Глядя на эту картину из щели бойницы вагона, я постоянно прокручивал слова ученых о мутантах – глухарях, которых не смогли остановить даже военные вертолеты.

Через какое-то время, наш поезд начал пересекать путь движения зараженных, и некоторые особо настырные особи попадались под колеса поезда, не осознавая опасности в лице нас. Мы не стали открывать огонь по зомби и продолжали двигаться дальше чтобы не создать больше шума и не привлечь других, более опасных, тварей.

Внезапно, из рации прозвучало сообщение от Ивана, сидевшего за хвостовым пулеметом:

– Срочно! Ребята, тут большой мутант бежит за нами. Он огромный, ребят! Мне бы, это, помощь не помешала бы.

По моей спине пошли мурашки. «Что, даже до Казани не доехали»? – мелькнули пессимистичная мысль в голове.

– Ало, вы где там? Все, открываю огонь, он нас догоняет, – добавил Иван, и прозвучали звуки выстрела. Зверь издал громкий рев.

Как самый близкий к цистерне человек, я накинул бронежилет с дополнительным запасом магазинов и вышел в стыковочный проход.

– Ребята, я на цистерну. Кто-нибудь, займите пулеметы, сядьте у бойниц и стреляйте по нему, если увидите, – оповестил я товарищей и принялся взбираться на цистерну по лестнице.

Забравшись наверх, я начал двигаться к пулемету, где сидел Иван. Товарищ, тем временем, всюду стрелял по чудищу, которое пыталось нас догнать. Поезд несколько раз дернулся и начал ускоряться, отчего я начал сильнее держаться за приваренные поручни, но такие маневры состава не помешали мне добраться до Ивана.

Моему взору предстал большой массивный зверь, который бежал на четырех лапах и был отдаленно похож на медведя, только намного больше и свирепее, а по росту его можно было сравнить с высотой вагона. У зверя практически отсутствовала шерсть, когти были размером предплечье человека, а лапы казались массивными и способными смять человеческий череп. На его спине, не менее жуткой, торчали огромные позвонки в виде гребня, словно их пересаживали от какого-то большого динозавра, воскресшему после стольких лет. Из раскрытой пасти, где красовались его четыре огромных клыка, текла кровавая темная жидкость, а глаза, как и у всех зараженных, сверкали красными оттенками. Зверь выглядел разозленным и на его теле немного кровоточили раны от пуль, которые оставил ему Иван, но монстра эти ранения не останавливали, и он продолжал преследовать поезд.

Я присел возле пулеметного укрепления на цистерне и открыл огонь по бегуну – именно так их и называли, если верить словам Зорина. Пули влетали в его спину, лапы, рикошетили от гребня и головы, но практически не причиняли ему никакого урона, словно улетали в молоко. Когда до чудища оставалось около пяти метров, Иван прекратил стрельбу и крикнул:

– Перезаряжаю!

– Хорошо, – ответил я, после чего оповестил остальных товарищам по рации: – Ребята, нам вдвоем не справиться. Ускорьте поезд, нас догоняют!

В этот самый момент, чудовище предприняло попытку нас достать. Для этого, оно сделало два больших прыжка и уцепилось передними лапами за верхушку цистерны, а задними за платформу, и в результате его маневра наш вагон не слабо встряхнуло, что заставило меня пошатнуться. Однако это было только начало, и зверь пополз дальше, желая расправиться с нами как можно быстрее.

Мой магазин вмиг опустел, и я зарядил его уже бронебойными пулями, поскольку был уверен, что они смогут пробить ему его шкуру. Забравшись на вершину вагона, зверь встал во весь рост и замахнулся лапой, готовясь снести дзот к чертовой матери. До этого я попытался

вытащить Ваню из укрепления, но тот противился, видно, что-то задумал. И правда: он открыл огонь из перезаряженного пулемета прямо по животу и груди бегуна в тот самый момент, когда он замахнулся лапой и открыл свое пузо. Как и у медведя, у бегуна на животе было точно такое же слабое незащищенное место, лишенное жира и толстой прослойки. Монстра пере-дернуло, он пошатнулся, и повалился назад и вбок, падая с поезда. Вагон снова пошатнулся, но на сей раз намного сильнее, и я потерял равновесие и начал падать с цистерны, не имея возможности ухватиться за что-нибудь, однако вовремя подоспевший Иван ухватил меня за руку и подтащил обратно.

– Поймал, – выкрикнул он, когда я снова оказался в безопасности.

Зверь грохнулся на спину и начал медленно вставать. Иван, вернувшись на свое место, продолжил стрелять по мутанту, также предварительно зарядив свое оружие бронбойными патронами.

– Ему конец, – решил оторвать я товарища, который все никак не мог успокоиться. – Не трать патроны, они нам нужнее. Монстру каюк, – решительно толкнул наконец его я.

Иван обратил на это внимание и, успокоившись, прекратил стрельбу.

– Ага, мертв, – молвил он. – Думаю, такого монстра так просто не убить. Но ничего, такой свинцовый дождь должен был научить его уму-разуму. Будем надеяться, за нами не увяжется.

Но события не дали мне ответить ему. Послышался звук летающей техники – военных вертолетов, вооруженных крупнокалиберными пулеметами и неуправляемыми ракетами, которые пролетели практически над нами, устремляясь в эпицентр толпы зомбированных. «Ох и жажнут сейчас, лучше укрыться», – подумал я.

Мы с Иваном вернулись в пассажирский вагон, после чего я взял ракетницу и выстрелил в воздух, чтобы уведомить о нашем присутствии на поле прострела, поскольку связаться с ними по рации у нас не получилось. Не знаю, увидели они нас или нет, но их обстрел к счастью не задел наш поезд.

Мы стояли возле окон и смотрели, как вкопанные, наблюдая за происходящим перед нами обстрелом. Вова с Машей тем временем все еще рулили поездом, но, вероятно, тоже наблюдали со своего ракурса, разинув рты. Среди зараженных, по которым стреляли вертушки, также выходили на поля и бегуны, но от крупного калибра и ракет им не было спасения. Земля, ошметки зараженных, земля и насыпи – все поднималось в воздух, и окружающее нас пространство начало завлакиваться чёрной земляной пылью. Мы уехали достаточно далеко от поля боя, когда все наконец стихло, и звуки взрывов перестали доноситься до наших ушей.

– Да, классно жажнуло, – сказал Иван с усмешкой.

– Уши заложило, ничего не слышу, – подхватил Салман. – Один свист, да и только.

– Ну ты, конечно, хитро этого бегуна, прямо по животу, по больному месту, – добавил я. – Подождать, когда он замахнется и откроет живот – это просто невероятно, какие надо иметь стальные нервы! Только будь осторожнее в следующий раз, ведь он мог снести тебя, как нечего делать.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанское, – добавил Ваня и по-дружески ударил мне в плечо.

– Кто не рискует, тот не бьет бутылки, – заключил я.

За окном стемнело, дорога стала неприветливо темной и пугающей. Но, не смотря на это, нам все чаще начали встречаться яркие прожектора, разъезды и стоящие вагоны, груженные техникой и строительными материалами. Ресурсы свозили для строительства военной базы, и мы поняли, что Казань была уже рядом. С нами связался начальник станции, сказав на какой путь мы прибываем и что надо сделать, и спустя ещё пять минут езды, наш поезд заехал на нужный путь и остановился.

– Так, леди и джентльмены, первый крупный цивилизованный город на нашем пути, – проговорил Салман с усмешкой, ступив первым на перрон.

– И последний, – протянул с беспокойством Никита, появившись следом. – В дурака? – предложил он.

– Только после хорошей трапезы и горячего чая, – протянул товарищ, скорчив гримасу от предстоящего отдыха.

– Тебе бы только пожрать, – спустился к ним Иван. – Как начнете – раздавайте на троих, я с вами.

– Значит, мы тут не при делах, да? – воскликнула Маша, подойдя к товарищам вместе с Вовой, предварительно покинув локомотив поезда. – Поговорили с рабочими – поезд наш тут до самого утра, так что можно смело топать и не волноваться.

– Здорово, – воскликнул Никита. – А где ещё наш компаньон?

– А он пошел общаться с Зориным, – ответил Иван. – Сказал, что догонит, так что пошли, – закончил он и махнул рукой.

Пока товарищи направлялись на заслуженный отдых, я отправился общаться с генералом, чтобы узнать у него новости, которые могут повлиять на наш путь, да и на миссию в целом. Неподалеку работали вышки спутниковой связи, поэтому оказавшись внутри машины, я ввел настройки в компьютер, произвел соединение со спутником и вызвал генерала на связь. Не прошло и двух секунд, как из динамиков прозвучал знакомый мне голос:

– Рад слышать тебя, – начал генерал. – Вы сейчас где находитесь?

– В Казани, Иван Митрофанович, – ответил я. – Зараженные все же нам встретились, на безопасной, с ваших слов, зоне.

– Этого я и боялся, – озадачился Зорин. – Зараженные действуют тактически, ищут слабые места в обороне, но цель у них одна. Хорошо, что авиация вовремя заметила их движение на север, там, где вы проезжали. Радует, что пока большие мутанты не лезут в наступление, а то было бы совсем худо.

– На самом деле, с ними были бегуны, и один из них чуть не убил нас на цистерне. Если бы Иван не прострелил ему в слабое незащищенное место на животе – не разговаривал бы я сейчас с вами.

– А это и не большой мутант, – успокоил меня Иван Митрофанович, – есть и побольше. Теперь я, надеюсь, ты понимаешь, что будет вас ждать в карантинной зоне?

– Догадываюсь, – молвил я с небольшим сарказмом.

– Вам повезло, что вертушки прилетели воевать с мутантами и отвлекли на себя бегунов, – продолжал генерал. – На соседнем пути несколько таким мутантов свели состав с рельсов, не выжил никто. И это даже не карантинная зона, – подчеркнул генерал. – Но военные теперь меняют свою тактику, беря под контроль все больше и больше территорий.

– Мы будем передвигаться тихо, а стрельбу открывать только при необходимости, – выговорил я, пытаюсь успокоить самого себя.

– По-тихому – это хорошо, лесная чаща хорошо укроет вас. Но вот есть места, где вам проехать без визуального контакта с зараженными не получится, – решил добавить он. – Это города-призраки. В них обитают тысячи мутантов, почему-то они предпочитают ютиться именно там. Проезжайте такие города как можно быстрее и не задерживайтесь лишний раз. План действий на станции организовывайте заранее, поскольку любое промедление может закончиться плачевно.

– Хорошо, Иван Митрофанович, – кивнул я.

– И да, к сожалению, междугородние дороги сейчас завалены брошенными автомобилями, там особо не проехать. Поэтому прикидывайте ехать на поезде до самого конца своего маршрута. Да и железная дорога намного лучше сокрыта в деревьях, чем автомобильная проезжая часть.

– Буду помнить, – повторил я за ним его же слова.

– Похоже, война с мутантами – это уже не война, это вопрос выживания человеческого вида. Недалеко от Питера вскрыли большое гнездо мутантов, уничтожили и надеялись, что больше они не появятся. А они потом пришли в ещё большем количестве. Нарушаю слово, но, тем не менее, скажу, мой дорогой друг, – заговорил Зорин, заметно посерьезнев в голосе, – мы начинаем испытывать нехватку боеприпасов, продуктов питания. Заводы и технические комплексы, что сейчас производят боеприпасы и снаряжение, делают их в небольшом количестве. Мутанты с каждым днем действуют все более агрессивно и жестоко, и наши шансы на военный потенциал начинают таять. Теперь, я надеюсь, ты понимаешь, что ваша с Иваном роль в этой экспедиции может стать решающей, если зараженные все же одолеют нас количеством.

– А что, если не будет там формулы сыворотки от заразы? Что, если все данные были стерты без возможности восстановления, и наше путешествие просто-напросто теряет всякий смысл? – спросил я генерала.

– Нет, не отчаивайся, сынок, – ответил Зорин с уверенностью в голосе. – Я твоего отца хорошо знаю, он надежно прятал свои творения, ты найдешь все ответы и, быть может, узнаешь что-то больше.

– Что, например, я могу узнать ещё?

– Это уже не ко мне. – Иван Митрофанович приостановился и перевел разговор в другое русло. – Но есть и хорошие новости. На сегодняшний день, мы возвращаем контроль на некоторых важных территориях, где находились заводы, поэтому, если все пройдет хорошо, то запустим более масштабное производство боеприпасов и техники, и дефицит получится преодолеть. Многих людей обучаем военному ремеслу, делаем из них солдат и защитников. Пока мы работаем в минус, но это только пока. Если все получится, то у нас будут хорошие показатели по производству, но повторюсь, это будет нескоро. Боюсь, мой друг, грядут ещё тяжелые времена: еды начинает не хватать, для пищевого достатка необходимы поля с посевами. Тепличных вариантов возле Москвы и Новгорода недостаточно, мы хотели бы ближе к лету отвоевать поля и засадить их пшеницей и кукурузой. Ладно, это не твои уже проблемы, иди отдыхай, следующие два-три дня будут тяжелыми для вас. И да, советую немного сменить маршрут.

– Почему? – удивился я.

– Военные сказали, что по пути вашего следования беглые преступники грабят брошенные города, на военных нападают. Это сбежавшие люди из тюрем, которые сбились в настоящую орду, и для них бронепоезд – весьма ценная добыча. Поэтому езжайте сразу на юг по направлению к Сызрани, а там поверните в сторону Самары на восток. Знаю, в Самаре крайне опасно, там поселился Жнец, но мутанты в вашем случае – не такая большая проблема, как другие люди. Мутанты не лицемерят, обманывать не станут. По карте, я надеюсь, сориентируетесь?

– Одну минуту, – ответил я и развернул карту, прикидывая маршрут. Поняв новый путь, я сказал ему: – Да, сориентировался.

Мы ещё немного поболтали на нейтральные темы, затем попрощались и я отправился к друзьям.

Казань, как и Москва, ни капли не пострадала от скверны катастрофы. В городе было очень тихо и практически не было видно людей. «Вот значит, какая эта окраина цивилизации», – подумалось мне. Генерал говорил, что именно близ этого города строилась военная база. Чем она должна была быть лучше остальных? Почему именно тут решили её строить? Мне было не понятно.

Вечером в гостинице, когда все уже улеглись спать, мы немного разговорились с Никитой. Как и я, он был не особо болтливым человеком, но сегодня что-то на нас нашло:

– Понимаешь, мой друг, – говорил он, – когда в жизни ты теряешь цели, что-то вообще теряешь и не можешь уйти от этого, только путешествия и приключения помогают справиться и перестать думать об этом.

– Ну, или найти другую цель, – вынес я свое мнение. – Не будешь же ты всю жизнь куда-то ездить или пытаться словить приключения.

– А как же риск, что ты не потеряешь её снова?

– Риск есть всегда и во всем. Чтобы ты ни делал, ты все равно рискуешь что-то потерять. Без потерь нельзя обойтись, как нельзя обойтись и без ошибок. И только из-за этого нельзя бездействовать и сидеть, сложа руки, – говорил я с оптимизмом.

– Ладно, слушай... тут такое дело, – Никита потупил взгляд, будто от чего-то сильно расстроился, хотя я всегда считал его серьезным и не сгибаемым человеком. Казалось, что он хотел что-то обсудить, но, видимо, стеснялся начать разговор по теме. После небольшой паузы, он все же сказал: – Представляешь, на мобильный телефон сообщение пришло. От родителей. Что они садятся в самолет и вылетают домой. Ты знаешь, я даже не поверил сразу.

– Как это возможно? – не поверил я.

– Ну, смотри, – добавил Никита и показал мне на экране своего смартфона сообщение, которое пришло около двух часов назад.

– Что это такое? Как? – продолжал удивляться я.

– Не знаю, честно говоря. Не могу представить себе, как работают механизмы связи, но возможно какое-то запоздалое сообщение.

– Странно. Мне никаких сообщений не приходило после катастрофы – сказал я и проверил свой телефон. – Ну да, действительно нет ничего.

– Как-то это жутковато. Представь, если эти зараженные там, далеко отсюда, становятся разумными и живыми, как мы с тобой, с воспоминаниями и чувствами? Что, если они где-то там уже целые города строят, правительство свое поднимают, а от нас укрывают это?

– Если бы это было так, нас бы точно не пустили в экспедицию, – ответил я. – Скорее всего, это проявление какой-нибудь особенности работы системы связи.

– Да, точно. Похоже на то, – сказал Никита, успокаиваясь.

Мы замолкли, не зная, что говорить дальше. Но затем Никита продолжил разговор, правда, уже на совсем другую тему:

– В любом случае, мы все равно едем в Уфу, в то место, где мы сможем начать новую жизнь с чистого листа.

– Слушай, мне интересно узнать, а что там такого, чего нет в Москве или здесь, в центральной части? – спросил я с любопытством.

– Как? Ты едешь туда и даже не знаешь, зачем? – сказал Никита с усмешкой. – Ты обратил внимание, как здесь сильно не хватает еды и жилищного пространства? – спросил у меня товарищ. Я кивнул головой и он продолжил: – Так вот, ходят слухи, что там нет таких проблем, что на каждого человека приходится своя крыша над головой, проблем с пищей там тоже нет, а ещё они испытывают нехватку силы для защиты периметра и налаживания производства боеприпасов. Работы там найдется много хорошей, понимаешь? – спросил меня Никита снова, на что я опять кивнул. – Вот поэтому туда многие люди хотят попасть, устали они от выживания за кусок земли или большой порции еды. Зуб даю, после нас люди начнут большими экспедициями ездить туда, вдохновятся нашими успехами. Надоело им жить в бараках, палаточных каморках и питаться чем попало.

– По мне, это рискованная затея, – решил ответить я. – Допустим Уфа держится и охраняет периметр от незваных гостей, но что, если гостей этих будет не один или два десятка случайно забредших зараженных, а тысячи, миллионы... Эта орда без труда сможет окружить в кольцо город и попробуй давай, одолей их всех, – сказал я. – Уфа может не выстоять, а мутанты могут воспользоваться тем, что туда приедет большое число людей и просто пополнят свой, и без того огромный, отряд зомбированных.

– Ну, во-первых, в Уфе есть целый арсенал военной техники и завод по производству боеприпасов, – продолжил спор товарищ. – А во-вторых, уж не думаешь ли ты, что у зара-

женных есть командиры и мозги, с помощью которых они могут найти уязвимости в обороне, а не пойти стенкой на нас?

– Ты знаешь, – заговорил я, – в Питере обитал Жнец, который очень даже управлял ими. Если бы мы тогда не убили Жнеца, Питер не смог бы выстоять. Так что есть у них командиры, и командиров этих надо уничтожать в первую очередь. Без них зараженные будут слабыми и тупыми, а отсутствие силы и разума у врага – это главное преимущество перед противником, – закончил я.

Я поболтал с Никитой ещё на различные вполне нейтральные темы, а затем мы разошлись по номерам отдохнуть и набираться сил, психологически готовясь к походу в карантинную зону.

Утром я поднялся одним из первых. Вечерний разговор с Никитой про пересылку сообщений не давал мне покоя: «Как же такое возможно? Либо спутник хранил всю эту информацию, либо случилось что-то ещё, чего я не знаю». Я спросил некоторых людей, были ли у них такие же истории. Да, сообщения им приходили тоже. От такого удивления они уже стали верить во всякие сверхъестественные вещи и силы, хотя это, скорее всего, дело техники, но для многих это значило очень многое.

Какое-то время, я пошатался по Казани и просто пообщался с местными. У них была одна большая цель – построить военную базу на благо защиты человечества. Складывалось впечатление, что ничего кроме строительства этой базы люди здесь больше вообще ничего не хотели: не ели, не спали, а только работали.

Казань, как выяснилось, была эвакуирована сразу же после начала катастрофы, но затем сюда пришли военные и провели большую зачистку, возвращая город под свой контроль. После командование посчитало, что здесь должен быть плацдарм для обучения и обслуживания военных сил, поскольку это место имеет хорошее стратегическое положение, а база будет самой большой из всех существующих.

Около поезда, когда все уже поднялись на ноги и были готовы ехать дальше, мы начали обсуждать дальнейший маршрут, как и рекомендовал Зорин:

– Так, друзья, планы изменились, – начал я. – Генерал Зорин попросил сменить маршрут, так как там может быть опасность совершенно другого рода – беглые преступники, которые смогли выжить в катастрофе. Сейчас они грабят брошенные города и села, и по словам генерала – серьезно вооружены. Чтобы добраться до нашей цели, нам необходимо вернуться немного назад до Зеленодольска, затем повернуть на юг и ехать до Сызрани. После реки начинается карантинная зона, но там регулярно пролетают военные и проводят операции, поэтому мы там будем отчасти в безопасности. От Сызрани же следует повернуть на восток, вот тогда мы останемся абсолютно одни, никто к нам не придет на помощь, если что-то с нами случится, поэтому...

– ...будем держать ушки на макушке и следить за всем что движется, а также проверять рельсы на целостность? – перебил меня Салман, пересказав слова Зорина один к одному.

– Именно, – ответил я Салману, а затем вновь обратился ко всем, – на этом участке пути на железной дороге могут располагаться брошенные поезда или вагоны, которые нам так или иначе придется убирать и сдвигать с нашего пути. Если ситуация будем совсем аховая, то бросаем поезд и садимся в автомобиль. Он вместительный и большой, на нем доедем до Уфы, но путь на нем будет дольше и опаснее.

Один рабочий оторвал меня от диалога и поведал плохую новость, после этого мы отошли и рабочий наглядно мне продемонстрировал неисправность, а затем я вернулся и поведал участникам экспедиции:

– Друзья, у меня плохая новость. Бегун, когда залезал на цистерну, повредил её и, пока мы ехали, где-то две трети дизеля из неё вытекло. В цистерне топлива осталось всего на треть, но ничего страшного, цистерна – это аварийный запас на случай блуждания.

– Что ж, будем надеяться, трети дизеля нам хватит, – подхватил Салман.

– Слушай, я так и не могу понять – заговорил Никита, – почему зона карантинной называется? Может туда надо со средствами индивидуальной защиты соваться?

– Почему карантинная? – ответил я. – Потому что военные официально не поддерживают порядок и не гарантируют безопасность людей, попавших в эту зону. В ней много зараженных и нет средств связи с внешним миром.

В этот момент времени меня снова отвлекли:

– Ну что опять? – спросил я с ноткой раздражительности.

– Я слышал, вы в Уфу отправляетесь, – проговорил какой-то здоровяк на английском.

– Это что, американец? – проговорил Иван с небольшой брезгливостью в голосе, рассматривая человека. В руках у человека была большая зеленая сумка, а одет он был в камуфлированную форму, и, вероятно, его прошлая деятельность была связана с военным делом.

– Я тоже хотел бы туда добраться, – продолжил говорить он на английском. – Не возьмете ещё одного бойца к себе в команду? Меня зовут Сэм Кларк, я когда-то жил в Америке, но за несколько лет до катастрофы был вне закона в своей стране и жил у вас, в России, – вновь проговорил он.

– Кто-нибудь понял, что он сказал? – решил уточнить Никита.

– Это действительно американец, – ответил я, поняв большинство его слов. – Хочет присоединиться к нам.

– А что он умеет? Какая у тебя подготовка, Американец? – обратился к нему Иван.

– Пять лет в спецназе морской пехоты. Двадцать одна боевая операция, – проговорил он на ломанном русском, поняв его слова.

– Все-таки могёшь немного по-нашему, – усмехнулся он. – Но боец лютый, ничего не скажешь. С таким точно не пропадешь, – обрадовался Иван. Сэм был чуточку больше и выше Ивана по габаритам, и Смольников начинал видеть в нем конкурента по силе.

– А оружие? – спросил Никита.

– Штурмовые винтовки. Но стрелял из пулемета, винтовки, водил бронетехнику.

– Ладно, Сэм, – решил спросить я уже на английском. – Если не секрет, что тебя так тянет в Уфу?

– Думаю по той же причине, что и вы – подальше от проблем центра. Ну и начать новую жизнь, разумеется, – проговорил он на своем родном языке.

Мы долго обсуждали вопрос принятия нового члена экспедиции. Многие из нас не могли владеть иностранным языком свободно, как это делали мы с Машей и Вовой, чтобы можно было спокойно переговариваться с нашим членом экипажа, но набор простых и понятных русских слов и предложений он знал хорошо. В конечном итоге мы решили не отказывать желанному путнику разделить с нами бремя путешествия, поскольку любая лишняя пара рук в таких опасных жизненных ситуациях всегда могла пригодиться.

Сегодня с погодой не повезло – было пасмурно, периодически лил дождь, иногда дул холодный промозглый ветер. Маша в шутку предположила, что дело близится к снегопаду.

Наш поезд покинул Казань. Товарищей зацепила моя речь – все были настороже. Поскольку они знали, что я единственный из отряда поддерживал общение с Зориным, то все мои слова воспринимали крайне серьезно. Первую смену по управлению поездом держали Салман с Никитой. Вова с Машей находились где-то в купейном вагоне, а Иван, как всегда, наслаждался одиночеством в дзоте на цистерне. Мы же с Сэмом несли дежурство в вагоне с автомобилем.

Первое время нашего путешествия, до самого Зеленого дола, я много болтал с новым членом экипажа. Мне было интересно узнать, как его занесло в Казань, да ещё и после ката-

строфы, что в Америке говорили после «Зацветшей резни» и как так получилось, что в Америке его стали считать предателем.

– Много всего произошло, – начал Кларк свой рассказ. – Когда у вас случилась эта «Зацветшая резня», я тогда уже офицером служил и заподозрил неладное, когда пару подводных лодок адмирал отправил к берегам Испании, будто бы на учения. Только потом выяснилось, что они через субмарины переправили в Америку чужие технологии. Как только я начал копать информацию, в ЦРУ уже давно следили за моей активностью, и вскоре, меня обвинили в измене. После побега мне потребовалось несколько перелетов между странами, пока я не оказался здесь, где меня приняли как беженца и защитили. Военные навыки и образование помогли мне хорошо устроиться в обществе, долгое время ремонтировал автомобили и преподавал в спортивной секции. После катастрофы перебрался в Казань, где немного подрабатывал, помогая в строительстве военной базы, а также тренировал остальных бойцов, да и сам собирался податься на службу. Жаль, что только языковой барьер немного сказывался на мою занятость, но это вопрос времени.

С каждым новым поворотом судьбы, я удивляюсь все больше и больше тому, как мир все-таки тесен, сколько в нем происходит событий, и все они тесно переплетаются между собой. Надеюсь, что с самим Грейстоуном, как и с его сынишкой, которые устроили мне, моей семье и другим невинным людям неприятности, мне встретиться не придется, потому что иначе мне придется перестрелять их на месте.

После Зеленодольска, мы перевели стрелки и поехали на юг. Поезд приблизился к мосту, и мы начали переезд на другую сторону реки. Как только под колесами состава оказалась твердая земля, Иван произнес по рации:

– Все, ребят. Карантинная зона.

Все ребята напрягли свое внимание и чутье, начали всматриваться в каждый куст, каждый закоулок. Мы экипировали бронежилеты, надели пояса с магазинами, и теперь в обязательном порядке договорились носить с собой один автомат, один полуавтомат, пистолет и нож.

Первое время нашего пути, особой разницы в окружении не наблюдалось. Те же опустевшие леса и луга, полуразваленные деревни и села. Изменилась лишь окружающая нас местность – она стала более равнинной и лучше просматриваемой в разные стороны. В нашем пути радовало только одно: не приходилось останавливаться на других ветках и пропускать впереди идущий транспорт.

Прошло где-то полтора часа, прежде чем мы стали подъезжать к Ульяновску – первому большому городу-призраку на нашем пути. Это были пустые, лишённые света дома и улицы, которые то и дело пересекались малочисленными зараженными. По своему опыту наблюдения за ними, я научился распознавать, что зараженные, находящиеся под влиянием жнеца, были дисциплинированы и настырны. Зараженные, которые не были под управлением, всегда были немного трусливыми и осторожными, и в Ульяновске наблюдался именно такой тип.

Мутанты ходили где-то вдалеке и к нам не приближались, больших среди них не было. По приезде на станцию началась одна из самых неприятных вещей в нашей поездке – очистка пути от поезда и включения нужных нам стрелок. Заранее договорившись о плане работы, Иван с Сэмом сошли с поезда, чтобы оперативно переключать стрелки. Никита расположился на цистерне и просматривал окружение в округ на случай, если мутанты начнут внезапную атаку.

На нашем пути располагался небольшой состав, мы протолкали его своим локомотивом до стрелки и перевели на другой путь, стараясь все делать быстро и без суеты. Отъехав назад, ребята перевели стрелки на юг и забрались обратно в поезд. Все дела мы завершили за пятнадцать минут, и двинулись дальше.

Отъехав от города, мы остановились, чтобы взять пятиминутную паузу и сменить вахту управления поездом. Теперь машинистами стали мы с Иваном.

Дома города-призрака остались позади. После Ульяновска за окном раскинулись холмы бескрайнего Поволжья. На холмах где-то вдалеке периодически и небольшими группами стали появляться зараженные, но больших среди них не появлялось. Нам часто встречались брошенные поля и луга, деревни и поселки-призраки, глядя на которые у меня создавалась атмосфера пустоты и отсутствия цивилизации.

Локомотив двигался то вверх, то вниз по мере своего движения, преодолевая один лысый холм за другим. Погода стала улучшаться, вылезло солнце, и земли Поволжья вокруг засияли красочнее.

Мы наблюдали где-то вдалеке несколько бегунов перед очередным спуском вниз, но нам повезло, и они не увязались за нами. Также несколько раз наш путь несколько раз пересекала небольшая орда зараженных, что заставляло всех членов экспедиции напрячься и заметно понервничать. Однако среди них не было больших мутантов, и обстановка в целом была вполне себе спокойной. Несмотря на такие небольшие сюрпризы на нашем пути, вся дорога до Сызрани прошла без каких-либо эксцессов и неприятностей.

Два часа спустя, недалеко от большого города-призрака, с нашим поездом на радиочастоте связались военные:

– Говорит лейтенант Татаров, есть кто-нибудь на связи? Отзовитесь, – прозвучал динамик.

– Опа, вояки засветились, – молвил Смольников.

– Как думаешь, засада? – предположил я

– Может быть, – кивнул Иван. – Возьми, ответь им, мол, экспедиция там, все дела. Узнаем, что хотят.

– Ладно, – ответил я, а затем снял рацию. – Говорит экспедиция, мы вас слышим, – ответил я.

– Где вы находитесь, куда вы направляетесь? – снова задал вопрос на той стороне. Не зная, что ответить, я взглянул на сидящего рядом Ивана, на что он молча кивнул головой, намекая на то, чтобы я рассказал о нашей цели.

– Мы едем на поезде по направлению на юг в Сызрань, далее на восток по направлению в Уфу, экспедиция «Москва – Уфа». Какое у вас задание? – закончил я.

«Что ж, если это засада, то мы хотя бы поймем это. И опять сменим маршрут?» – задался я у себя в голове вопросом. Голос на той стороне ответил:

– Зачистка сектора от зараженных и беглых преступников. Вы будете пересекать Самару? – спросил суровый мужской голос командира.

– Проездом – да, – ответил я все так же неуверенно.

– Хорошо, предлагаю пересечься и объединиться в Самаре сегодня вечером для совместной операции по уничтожения беглых преступников в Бугуруслане – городе по путивашего следования. Операция будет завтра, в ней будут совместно участвовать пехота и авиация.

– Откуда вам известно, что там располагаются преступники?

– Фотографии со спутников говорят об их наличии там. На контакт не выходят, вооружены РПГ⁸ и пулеметами, проявляют враждебность.

Я посмотрел на карту нашего маршрута и увидел, что Бугуруслан действительно лежал на пути нашего следования, но тут же углядел обходной путь и упомянул его Татарову, на что тот ответил, что обходного пути больше нет, его взорвали бандиты. Хочу я этого или нет, но проехать через Бугуруслан нам придется, либо мы будем снова менять маршрут следования, что опять замедлит время нашего прибытия в Уфу. Посоветовавшись с остальными членами экипажа, мы все же согласились принять участие, не дав согласия при этом преследовать врага, а лишь добиться освобождения нашего пути.

⁸ РПГ – Ручной противотанковый гранатомет.

Позже мы добрались до Сызрани, уже во второй половине дня. В городе-призраке с путями нам пришлось изрядно повозиться: их было много и не сразу было понятно, какой поведет нас, пришлось изучать карту маршрутов и направлений рельс. Пока ребята разбирали пути и переводили стрелки, мы стояли на крыше здания вокзала вместе с Никитой и осматривали окружение, чтобы вовремя оповестить товарищей, если зараженные начнут штурмовать нас. Здание вокзала было большим, и проводить осмотр с цистерны было невозможно. Зараженных было немного больше, чем в Ульяновске, но агрессию они особо не проявляли.

Поднялся небольшой ветер. Где-то в одном из прилегающих дворов громко и протяжно заскрипели качели, раскачиваемые ветром. Набежали небольшие облака, погода стала серой, но одинокие лучики пробивающегося яркого солнца ещё приносили немного позитива.

Ребята отогнали поезд, расчистили путь и... дьявол, он был поврежден так, что не проехать, не сойдя с рельсов. Нам повезло, что был ещё один путь, и, потратив ещё некоторое время, мы повторили все те же самые действия с другим путем. Мутанты продолжали заниматься своими делами, то ли целенаправленно нас игнорируя, то ли боясь. Или просто не замечали нашего присутствия.

Отъехав от города и убедившись в безопасности окружения, мы остановились, чтобы сделать паузу и отдохнуть. Пообедав на свежем воздухе, не забывая при этом об опасностях, мы двинулись дальше, по второму расчищенному пути. Сэм и Никита сменили нас на дежурстве, и теперь я расположился в хвостовом дзоте на цистерне, оставаясь наедине со своими мыслями. Пулеметное гнездо в конце поезда мы прозвали местом для размышления как раз по этой всеми заметной причине.

Время перевалило за шесть, начало смеркаться. Стали часто попадаться брошенные заводы и дома, хлева, зернохранилища. Зараженных почему-то стало попадаться все меньше и меньше, стоило нам отдалиться от Сызрани. Путь иногда шел вдоль асфальтированной дороги, на которой то и дело встречались брошенные автомобили и техника. Впервые за долгое время я начал испытывать чувство успокоения и наслаждения от нашей дороги. Признаюсь, хоть вокруг и творилась катастрофа, вынудившая нас отправиться в дальний путь, мне это приключение оказалось по душе. Я стал забывать все плохое, что приключилось со мной, ведь мною двигало лишь желание ехать куда-то вдаль, под стук колес, сидя здесь, в этом поезде. Как бы я хотел сейчас вернуть всех моих погибших родных и друзей, чтобы они присоединились сейчас к нашей компании. Но, боюсь, мертвые не возвращаются, не становятся живыми, на то они и мертвые.

Оставшиеся лучики солнца только что скрылись за горизонтом, вокруг почернело. Тучи рассеивались, между их просветами начала выглядывать луна, в свете которой наблюдались все те же одиноко стоящие хлева и села. Застрекотали кузнечики, где-то в кустах засверкали маленькие желтенькие огоньки. «Светлячки», – подумал я.

«И все же», – вернулся я к своему кругу размышлений, – «Получится ли у нас с Иваном найти документы? Здесь мы на поезде защищены и в относительной безопасности. Но в Синевой не ведут железные дороги, придется где-то покинуть локомотив и пересаживаться на машину, там-то и начнутся настоящие опасности нашего задания. Это глубокая карантинная зона, до ближайшей цивилизации будет больше пятисот километров, да и то, не уверен, спасет ли она от орд мутантов. Но даже не это страшно. Что, если формулы действительно окажутся бесполезными? Что, если ничего не выйдет? Смерть цивилизации? Власть нового органического вида на земле?».

Внезапно я услышал звук, отдаленно похожий на шум вертолетных винтов.

– Визуальный контакт – вертолеты военных, – проговорил Никита по радиации.

Звук усиливался, а затем перешел в оглушительный грохот, и из-за холма появилась целая эскадрилья из десяти вертолетов. Они летели курсом на восток в Самару достаточно низко, вероятно готовясь к посадке. «Значит, скоро приедем», – подумал я. Среди летающих

машин было три штурмовых, шесть транспортных, перевозивших солдат, и один большой грузовой вертолет, который, вероятно, вез топливо и снаряжение военных. Вертолеты улетели куда-то далеко вперед, скрывшись за холмом, и затем грохот их винтов окончательно стих.

Спустя ещё примерно тридцать минут вокруг снова стали появляться городские постройки, а помимо них ещё и зараженные, шедшие своими неизвестными путями в город. Плотность построек увеличилась, что свидетельствовало о нашем прибытии в Самару, впереди замаячил вокзал, на территории которого мы заметили разбитый военный лагерь, и наш поезд начал медленно притормаживать. Надо сказать спасибо военным, ведь они в Самаре освободили наш путь от другого состава и частично зачистили территорию от зараженных, делая наше пребывание здесь более безопасным. Военные разбили палатки прямо на перроне, предварительно убрав трупы уничтоженных зараженных, грамотно приземлили вертолеты недалеко от железнодорожного вокзала и окончательно основались здесь. Мы все весьма обеспокоились тем фактом, что военные решили разбить свой лагерь в городе, поскольку все помнили наставление генерала Зорина. Но, вероятно, у этих военных был другой опыт выживания в карантинной зоне и больше информации по поводу зараженных, что обитали здесь, поэтому мы решили довериться их выбору.

Солдат в отряде было много, порядка пятидесяти человек. Все они были хорошо экипированы и подготовлены. Перед посадкой они провели рекогносцировку местности и раз узнали, что за пределами вокзала, помимо обычных зараженных обитали весьма опасные мутанты, а манера поведения этих особей говорила о наличии Жнеца в городе. Солдаты сначала хотели вылететь за город и остановиться возле леса, но передумали, так как территория вокзала хорошо просматривалась, а в лесу не нашлось безопасных зон для посадки авиации. Десант первым же делом полностью огородил железнодорожные пути и запер все привокзальные постройки и переходы, чтобы из них никто не смог выбежать и напасть на солдат на вокзале. Затем военные расставили заграждения в виде проволоки и забора, и создали полностью безопасный и замкнутый периметр, а палатки солдаты разбили прямо внутри него и развели небольшие бездымные костры, чтобы разогреть ужин.

Главным командиром у них был Алексей Татаров – взрослый сорокалетний великан, который прошел через многие тяготы жизни: потери близких, смерти друзей, разгром вокруг и война против мутантов. Он выстоял, выдержал все – по-настоящему негибаемый человек. Но суровым он стал ещё достаточно давно, когда служил в спецназе ГРУ. В тот день он потерял всех своих сослуживцев, и на долгий месяц остался наедине с дикой природой. Его взгляд был суровым, без капли чего-то задорного и разгульного, который внушал уверенность и силу в каждого бойца, кто встречался с ним. Таких людей, как он, всегда называли прирожденными лидерами, и ради выполнения своей задачи они готовы были пойти на все.

Солдаты были рады нашему прибытию. После приглашения к совместному ужину, мы расселись вокруг одного костра и вместе с солдатами принялись за трапезу, перекидываясь небольшими и короткими словами. «Откуда и куда», – любопытствовали некоторые, но все мы как один отвечали кратко – «Экспедиция Москва-Уфа». Через какое-то время, я услышал с другого конца нашего лагеря непонятный шум и поднялся посмотреть, что там происходит.

Когда я подошел, то увидел, что кучка солдат стояли вокруг какого-то интересного явления и принялся протискиваться между вояками. Оказавшись внутри круга, я увидел, как Иван боролся с Сэмом и, причем весьма недурно. Ему никак не удавалось одолеть американца, хотя он в борьбе всегда подходил технично и с умом. Сэм был не промах и периодически переходил, и менял свои стойки, не давая Ивану возможности для маневра. Периодически, американец демонстрировал ему дыры в обороне, пробивая туда небольшими ударными порциями.

– Эй, мужики, успокойтесь! – проговорил я, пытаясь их утихомирить, однако они абсолютно никак не отреагировали на мои слова, а наоборот стали кряхтеть и бороться ещё сильнее.

– Ладно тебе, – отозвался на мои слова один из стоявших рядом солдат, – дай мужикам огонь выплеснуть, потренироваться перед боем, да и мы тоже опыта поднаберемся.

– Ах ты какой, – пробурчал Смольников, получив удар под ребро от Сэма. – А я тебя так! – добавил он и резко сократил дистанцию, а после ловким приемом повалил Сэма на спину. Тот попытался скинуть Ивана, но не получалось, так как он уже взял его на болевой и крепко прижал к земле, не давая Кларку возможности оттолкнуть его от себя и встать.

– Брейк, мужики. Молодцы, – сказал один солдат, а затем все остальные солдаты поаплодировали бойцам, пока те поднимались.

Иван поднялся сам, помог по-дружески подняться Сэму, а затем обратился ко мне:

– Вот как надо бороться, – выговорил Иван, жадно вдыхая воздух, опираясь руками на свои колени. – Хочешь верь, хочешь... не верь, но практически любой бой кончается... рукопашкой. Не зря... готовил нас твой Зорин, – закончил Иван, не в силах больше говорить. Кларк же вообще просто молчал с не менее сильной отдышкой, видно испытывая небольшую досаду от поражения.

Некоторые другие солдаты взяли с них пример и тоже стали бороться друг с другом, попутно вспоминая свои бойцовские приемы и технику.

– Береги тело, – начал говорить Сэм, немного восстановив дыхание. – Удары пропустишь – плохо. А вообще файтинг у тебя хороший, – похвалил его товарищ.

– Ладно тебе, идем уже жрать, в конце-то концов, – пробурчал голодный Иван, призывая нас к трапезе, и мы отправились за ним.

– Поберегли бы вы лучше силы перед боем, – проговорил я, пока мы шли к костру. – Сейчас перетренируетесь, завтра уставшие будете.

– Не будем, – ответил Кларк с акцентом, поняв мое беспокойство. – Это не бой, а тренинг.

– Хах, это точно, – поддержал Смольников и протянул кулак товарищу, который сразу же стукнул по нему своим. – Хороший бой, мне понравилось. Технику немного отработай и вообще молодчиком будешь, – закончил Иван, давая бойцовский совет, и похлопал его по плечу. Наконец, мы вернулись к костру и продолжили свой ужин, вновь общаясь на нейтральные темы.

При наблюдении за военными отряда Татарова, мне понравилась у них интересная философия – все солдаты имели относительную свободу. Они могли ходить куда захотят, могли ложиться спать, когда им будет угодно, разговаривали, когда хотели. Зорин однажды рассказывал мне про такие отряды дальнего действия, это были лучшие из лучших, настоящие машины для убийства. Имея такую степень свободы, солдаты не дезертировали, не боялись боя, а умереть в перестрелке считалось большой честью. В лагере все знали свое место и выполняли обязанности: одни варили гречку в полевой кухне, другие несли дозор и высматривали неприятелей, вовремя убивая одиноко забредших незваных гостей. Третьи заправляли вертолеты и осматривали их на наличие неисправностей. Самое замечательное в человеке – когда он имеет свободу и умеет ей распоряжаться, так был воспитан Татаров, так он воспитывал и других.

Некоторое время спустя лейтенант самолично осмотрел наш состав, а затем подошел ко мне и сказал:

– Вы здорово экипировали поезд: много защиты, брони, бойниц и пулеметов. А вот снаряжения у вас маловато, но ничего, наши солдаты все со своим оружием и обращаться с ним умеют как надо. – Татаров сел с нами возле костра и принялся есть, попутно описывая дальнейший план действий. Иван с Сэмом и Салман тоже подтянулись к нам, желая услышать лейтенанта, а вот Вова с Машей почему то решили немного отдалиться от нашей компании. – Судя по спутникам, сбежавшие бандиты заняли правительственные дома и территорию вокзала, хорошо оборудовали и укрепили их. Для начала, вертолетная группа нанесет удар раке-

тами первыми и выкурит их из зданий, затем первый и второй отряды пехоты высадутся с двух сторон и погонят их в сторону вокзала. Туда уже приедет ваш поезд, он здесь сыграет важную роль.

– Почему? – спросил я у него.

– Бандиты выработали интересную стратегию укрытия от наших вертушек после грабежей, на земле их выследить куда проще. Но в Бугуруслане бандиты укрепились основательно и засели так, что наземными отрядами без потерь их взять не получится. Ваш поезд – это настоящий танк, с большим количеством бойниц и укреплений. Мы расположим в поезде третий отряд пехоты со мной во главе, явемся мы внезапно, и пока другие отряды будут гнать их на вокзал, находясь под прикрытием авиации, мы будем встречать их и отстреливать. Тиски захлопнутся с двух сторон, и бандиты понесут максимальный урон. Следите, чтобы никто не ушел, пока все не умрут или не сдадутся, поднимая руки без оружия.

– План выглядит рискованным, – высказал свое мнение Салман. – Если бандиты вооружены РПГ и ракетомётами, что им стоит взорвать наш поезд?

– Обманочка, мой друг, – ответил ему Татаров. – Бандиты будут уверены, что мы везем им пустой поезд. В качестве взятки, так сказать. А он окажется для них полноценной ловушкой.

– Так-с, не понял, – ответил наострившийся Никита, – вы сказали им, что они получат пустой поезд? В обмен на что?

– Да, мы обещали им этот поезд, – ушел от ответа лейтенант.

– Так значит, вы уже успели решить все за нас что ли? Даже не обговорив плана действий? – снова продолжил возмущаться товарищ.

– Вот да, – подхватил Салман, – мы вроде как даже и не военные люди. И цель-то у нас, экспедиционная, так сказать, мирная. Мы-то думали, что просто прикроем со стороны ваших ребят, а вы из нас делаете бомбу замедленного действия.

– Спокойно, Салманыч, – ответил ему Иван, защищая военного товарища от нападок. – Алексей же говорил, что обходной путь был взорван, так что у нас нет другого выхода. И идея эта весьма не дурна, может хорошо сработать. Так больше шансов на выживание, да и солдатам поможем.

Ребята призадумались. Наверное, только одному Ивану и было интересно оказаться к суровой перестрелке, однако другие предпочли бы избежать такой судьбы.

Я отправился позвонить Зорину и посоветоваться с ним, но, к сожалению, связаться со спутником мне не удалось. Как и говорил генерал, до самой Уфы мы предоставлены сами себе.

Вернувшись, я продолжил ужин, попутно обсуждая насущные вопросы вместе с ребятами. Никита как любитель истории, сравнил нас сейчас с воинами Македонии перед битвой под Вавилоном, когда они много ели и отдыхали, набираясь сил перед неравным боем с многочисленными силами Персов. Мы же, в отличие от них, имели фактор неожиданности и преимущество со стороны авиации и техники, шансы на победу у нас были высокие.

Не знаю, могли ли быть похожи солдаты Татарова на решительных воинов Македонии, лично мы с ребятами переживали как самые обычные люди, ведь это будет наш первый бой с живыми людьми, а не с мутантами. С другими людьми нам пока что не приходилось воевать, разве что Сэм или Иван имели опыт в общении с ними с помощью оружия. Человек все же наиболее опасное сейчас существо на планете, даже мутанты с ним не сравнятся по уровню взаимного уничтожения.

Когда в лагере наступил отбой и все отправились спать, мне никак не удавалось уснуть: все ворочался, перебирал мысли в голове и беспокоился. «Так далеко от цивилизации и просто убить бандитов?» – прокручивал я в голове. – «Да не может быть». Примерно через час, я не выдержал и вышел наружу глотнуть свежего воздуха.

На улице было тихо и свежо. Моему взору предстали высокие здания вокзала и расположенные вдалеке высокие дома, контуры которых подсвечивались белёсым светом луны, парящей на небосводе. Пока этой луны не было на небе, стояла полнейшая темень, хоть глаз выколи. Такая темень всегда наступала в местах, отдаленных от огней больших городов, теперь эта тьма наступила и в Самаре – безлюдной и пустой. Я походил вокруг лагеря, посидел около затухающего костерка и просто поглазел вдаль. Солдаты уже давно спали, разве что сторожевые прохаживались вдоль периметра, высматривая движения зараженных. Внезапно, из-за угла палатки появился Татаров и подошел ко мне:

– Что, не спится перед боем?

– Да вот как-то не особо. Мне не понятно, что же такого сделали вам эти бандиты, что вы готовы перестрелять их в глубине карантинной зоны? И использовать нас как наживу. Непонятно мне это.

– Да, кое-что сделали, – призадумался Татаров, вероятно размышляя, давать информацию или нет. – Нашли они одну вещь, которую не должны были найти.

– И что же это такое? Этого стоит опасаться?

– На этот вопрос мне уже не позволяют дать ответ мои полномочия, – заключил лейтенант.

– Может, это что-то опасное и, допустим, может сдетонировать или нанести ущерб всем нам, если вдруг мы случайно попадем по нему или взорвем? – начал я вытягивать у него информацию в надежде узнать или понять что-то важное. Не может же быть такое, чтобы целая вертолетная эскадра охотилась на орду беглых бандитов просто так? Да еще и в глубине карантинной зоне.

– Эх, как бы тебе сказать, парень, – начал раскалываться Татаров, попутно отводя глаза в сторону, – ядерную боеголовку они нашли. Раньше, когда тут разведка пролетала, беглые радиосигналом ультиматум бросили, что запустят ракету, если им не привезут много воды, боеприпасов, да и вообще, если не станут восславлять их и чтить. Командование посчитало угрозы реальными, вот нас и отправили ликвидировать бандитов, пока те не натворили бед. Тут мы встретили вас и предложили бандитам взятку в виде поезда. Им как раз нужен был транспорт, и они подпустят бронепоезд близко к вокзалу. Здесь мы внезапно ударим по ним, ведь они не ожидают такого маневра от нас.

– Так, одну минуту, – решил я вернуться к предыдущей теме разговора. «Если Татаров умудрился за нас решить, что делать с нашим поездом, то есть смысл полностью выудить из него всю информацию. Вдруг он ещё что задумал?». – Это как так? То есть, они просто взяли и нашли ядерную боеголовку, а потом сказали: «Вот мы здесь, возьмите нас»? – спросил я с удивлением.

– Именно так. Наверное, нашли и вскрыли шахту ядерных ракет, но я даже не знаю, как им под силу такое: шахты защищены огромными толстыми стенами и не менее толстыми стальными дверями, цифровые ключи от которых знает либо высшее руководство, либо теперь вообще никто. На самом деле, не думаю, что они вынесли боеголовки наружу. Будь у меня парочка таких штук, я бы хранил их в шахте, в безопасном для них месте, где они точно не взорвутся.

– Ладно, а как беглецы вообще спаслись после катастрофы и откуда они появились в таком количестве? Мне генерал один говорил, что севернее, у Акбаша их тоже видели. Неужели, они теперь везде?

– Вообще, когда в городах электроэнергия выключилась, в некоторых тюрьмах автоматизированная система сработала, и открылись все решетки. Бандиты повывагали из всех тюрем, где выключилась система безопасности. После к ним стали присоединяться все те, кто считал себя противником власти, а также некоторые выжившие, которых не успели эвакуировать, – договорил Татаров и замолчал. Лишь спустя мгновения, собрав мысли в кучу, он продолжил: –

Знаешь, эта операция на самом деле достаточно важна для нас. Мы даже толком и не знаем, где находится эта шахта и может ли там располагаться ещё парочка таких боеголовки. Ладно, иди спать, завтра будет сложный день.

– Товарищ лейтенант, я бы хотел просто добавить, что мы не бойцы, а простые люди. Из нас только двое воевало, а у меня так вообще, – добавил я и снял бандану с головы, демонстрируя последствия операции. – На нас не рассчитывайте, мы не спецназ и не головорезы.

– Хорошо, – добавил Татаров. – Главное – ничего не бойся и слушайся меня. В поезде займешь позицию рядом со мной, и все будет отлично, – подбодрил меня Татаров. – Остальных тоже раскидаем, чтобы не оказались в мясорубке. И да, передай своей сладкой парочке, чтобы спать ложились, а не любовались луной, а то не смогут нормально воевать, – добавил он, указав на сидевшие возле локомотива два силуэта, которых я не увидел, когда вышел.

– Не – не, их вообще подальше от перестрелок, – молвил я. – Если у нас и был опыт в перестрелках, то у них же вообще ничего.

– О них тоже не переживай. Девушку на грузовой вертолет, а вот медика расположим в локомотиве. Там, возле дизельного двигателя, много толстостенного укрытия. Когда все закончится, его услуги нам очень пригодятся. Все, хватит болтовни, – закончил он.

Я подошел к ребятам – Вове с Машей, которых Татаров как раз и назвал сладкой парочкой.

– Ребят, отправляйтесь спать, пожалуйста, завтра бой будет, вы должны выспаться.

– Но погоди, – обратилась ко мне Маша, – а если нас убьют? И это последняя наша ночь вместе?

– Все будет хорошо, ребята, – поддержал я их. – Татаров – профессиональный военный, за его спиной множество успешных операций, и он прекрасно понимает, что мы не военные и что нас не следует ставить на передовую. Я с ним поговорил на этот счет.

– А вдруг что-то пойдет не так? – заволновался Владимир. – Если честно, я бы хотел, чтобы мы поискали обходной путь.

– Риск есть всегда, – продолжил я успокаивать товарищей. – Надо понимать, что мы сейчас в карантинной зоне. И мы проделали половину пути, вы понимаете это? После Бугуруслана нам остается проехать ещё восемь часов и все, мы дома. Сейчас на нашем пути находятся бандиты. Или вы хотите вернуться назад и сделать ещё более огромный крюк? А если и там будут бандиты, а военных, что помогут нам проехать, не окажется?

Ребята ничего не ответили, а просто молча встали и отправились в вагон. За ними последовал и я, но завернул уже в свое купе. Было видно, что им не хотелось воевать с бандитами, им было страшно. На то они и мирные люди, добрые и отзывчивые. После ночной прогулки, со свежей головой, я рухнул на кровать и сразу же уснул.

Стояла пасмурная погода. Утром я проснулся одним из самых последних. В лагере творилась суета: солдаты в спешном темпе тушили костер, собирали вещи и снаряжение. Ко мне в купе заглянул Татаров, который являлся членом третьего отряда, находящегося сейчас в поезде. Состав в этот момент тронулся, а лейтенант заговорил со мной:

– Поздно проснулся, плохим солдатом будешь, – начал он.

– Что происходит? Почему все так заторопились? – задал я ему вопрос. В это время слышались звуки выстрелов.

– Зараженные здесь, из города идут. Проснулись, засекли нас, – договорил Татаров и указал рукой на здание, из которого толпами вываливались зараженные и направлялись к нам. – Не волнуйся, нас им уже не достать. – Поезд продолжал стремительно разгоняться, и в окне замелькало место стоянки вертолетов. Из всей эскадры не взлетела всего парочка, и когда

последние солдаты уселись на своих местах, вертушки затрещали громче и поднялись в воздух. – Следующая остановка – Бугуруслан, пять часов езды от Самары.

– Что же вертушки будут все это время делать?

– Не беспокойся о них, – успокоил меня Татаров. – Они сядут недалеко от Бугуруслана, и когда мы подъедем, взлетят и приступят к выполнению своей операции.

За окном удалялись здания Самарского вокзала, а с ними и безнадежно отстающие толпы зараженных. Вертушки некоторое время покружили над поездом в ожидании нападения Жнеца, и после нашего отбытия, полетели к своей намеченной цели.

Наш поезд медленно, но верно двигался по рельсам. Сразу за городом два агрессивных бегуна погнались за нами. В этот момент времени все солдаты встали на свои посты, ожидая приказов Татарова. Когда один из них приблизился к нам слева, чтобы наброситься на купейный вагон, лейтенант отдал приказ, и по монстру просыпался настоящий град из пуль. Шквальный обстрел мигом остановил монстра, изо всех дыр, пусть даже и в защищенных местах, яростно сочилась кровь. Монстр не мог больше сражаться, и решил молча удалиться от поезда подальше. Но ранения были крайне тяжелыми и непривычными для монстра, и продолжение обстрела приговорило монстра к смерти. Второй же монстр, глядя на своего товарища, решил не связываться с нашим отрядом, и самостоятельно отдалился от нас подальше.

Все оставшиеся время мы с товарищами немного отдыхали и психологически готовились начать бой с бандитами. Теперь радовало только одно – не приходилось постоянно надзирать за окрестностями, ведь за нас эту работу выполняли военные. По пути в Бугуруслан мы несколько раз пересекались с ордами зараженных и замечали ещё группы бегунов, однако какой-либо опасности они нам не создавали.

Ожидание перед боем – когда ты сидишь и просто ждешь, что скоро что-то начнется, оказалось самым страшным в моей жизни. «Не волнуйся, у нас больше преимуществ перед врагом, меньше страха – больше хладнокровного разума и спокойствия», – периодически повторял я мысли в своей голове, немного успокаиваясь.

Где-то за двадцать минут до города, мы остановились и отцепили цистерну и вагон с автомобилем, чтобы они не взорвались в случае перестрелки. После, где-то в районе обеда, мы поели и начали готовиться к бою. Салман занял место машиниста поезда как самый умелый машинист среди нас. Вова, как я и просил Татарова, укрылся в хорошо защищенной глубине локомотива, где стоял двигатель. Парочка солдат заняли свои места в кабине, чтобы прикрывать Салмана и помогать ему в управлении. Никите доверили снайперскую винтовку СВУ и позицию в хвосте вагона, чтобы тот находил и отстреливал солдат, вооруженных тяжелым оружием и РПГ. Иван и Сэм заняли места за пулеметами в купейном вагоне, где вместо прежних пулеметов Калашникова солдаты установили другие, более мощные пулеметы иностранного образца. Мы с Татаровым заняли места возле бойниц в том же купейном вагоне, сразу за мной расположились Иван и толпа солдат, другие места в вагоне с амуницией и купейном вагоне тоже заняли военные. Также они прикрывали места соединений вагонов и входы в них, чтобы не пустить бандитов внутрь поезда, когда начнется заварушка. Машу мы временно переместили в грузовой вертолет, который в бою участвовать не будет, чтобы она не пострадала.

– Береги себя, – обнялась она с Вовой. – Останься со мной, пожалуйста. Я не могу без тебя.

– Останусь, – успокаивал её Вова. – Завтра мы уже будем дома, все будет хорошо.

Мы экипировали бронежилеты и каски, запаслись магазинами и патронами, расположились на своих позициях и начали ждать.

Наш поезд медленно и уверенно заезжал в город Бугуруслан, все было тихо и спокойно. Татаров дал приказ присесть и укрыться, чтобы нас не было видно из окон, чтобы бандиты были уверены в словах военного. Вскоре над нами нависла тень крытой части вокзала. С разных сторон локомотива пронесли деревянные укрепления, за которыми располагались вооруженные

группы бандитов. Они держали оружие опущенным, что могло свидетельствовать об успешной засаде. Другие бандиты медленно приближались к пока ещё движущемуся составу.

– Ха ха! – кто-то закричал снаружи, – а ведь сдержали свои слова военные.

Над головой затрещали вертушки, какое-то время они кружили и что-то разведывали, пока мы все ещё углублялись в территорию вокзала. Внезапно вертолеты нанесли ракетный удар по некоторым зданиям, в которых укрепились бандиты. Загромыхало где-то недалеко от нас, и окружающие нас бандиты резко наострились.

– Твою мать, это подстава! – снова крикнул какой-то враг.

– Что там с поездом? Пройтись по нему из пулемета? Вдруг ловушка? – предложил один из них.

Татаров приказал поезду ускоряться, на что Салман послушно и отреагировал, а затем громко выкрикнул: «Огонь!».

Штурмовые вертолеты ещё пару раз ударили из ракет и прижали пулеметным огнем противника внутри укреплений, в этот момент вертолеты с пехотой первого и второго отряда стали садиться и выгружать солдат, все шло по плану. Но в этот момент из-за смежного здания высунулись бандиты с РПГ, которых не успели зафиксировать высокоточные системы наведения штурмовых вертолетов. Бандиты залпом выстрелили по вертолетам, высаживающим первый отряд. Машины вспыхнули ярким пламенем и разлетелись в разные стороны, лишь третий вертолет из их числа остался налету, потеряв всю перевозимую пехоту в пламени взрыва. Резко поднявшись, он полетел прочь, оставляя за собой клубы черного густого дыма из-за поврежденной двигательной системы.

Расчеты военных оказались ошибочными: не все бандиты сидели в правительственных и укрепленных зданиях, некоторые, вооруженные РПГ и системой противовоздушной обороны, сидели в засаде в соседних домах более разрозненно. Авиация начала действовать незамедлительно – вертолеты открыли огонь по зданиям ракетами при первых же признаках появления там движения. Некоторые здания сразу сравнялись с землей, и дальнейших выстрелов от бандитов не последовало.

Затрещали пулеметы Ивана и Сэма, автоматы солдат и СВУ Никиты открыли свой шквальный огонь. Я высунулся из укрытия и навел свой автомат через бойничную щель вагона, открывая стрельбу по бегущим из стороны в сторону бандитам. Примитивная, чуть ли не фанерная, защита бандитов, разлеталась в щепки, сами они от неожиданности были крайне дезорганизованы. Стараясь убежать и укрыться, беглые преступники раз за разом получали пули.

Территория вокзала стала стремительно пролетать перед глазами. Враги бежали врассыпную, стараясь занять позицию и перегруппироваться. Мой Калашников периодически опустошался, но ловкая рука снова отправляла заряженный магазин под брюхо автомата и передергивала затвор, расстреливая противников дальше. Однако теперь к нам стали выходить бандиты с пулеметами и РПГ, решившие побыстрее разделаться с нами. Никите не мешала высокая скорость поезда ловко снимать их из снайперской винтовкой. Позже, вероятно, получив какой-то приказ, бандиты с ракетометами отступили.

Грохот автоматов прервал громкий голос Салмана, который сообщил по динамикам и по рациям, что впереди завал, поезд пойдет на таран, поэтому всем необходимо держаться за поручни. Мы ухватились за них в меру своих возможностей. Татаров находился рядом со мной и присел, прочно держась за ручки, чтобы находиться в более устойчивом положении.

Поезд ударился в завал, его скорость резко упала, а потоми вовсе остановился. Я упал и покатился кубарем по вагону, однако Татаров схватил меня и помог мне подняться на ноги, некоторые солдаты также попадали с ног. Салман включил заднюю передачу и начал сдавать назад, чтобы отъехать.

К колесам вагона стали прилетать дымовые шашки. Вокруг поезда все заволочло дымом и неожиданно стихло, в ушах неприятно позванивало от выстрелов в перестрелке. Мы обрадовались, что бандиты испугались и побежали прочь из вокзала прямо под прицел авиации и оружия второго отряда, однако все происходило иначе. Группировки бандитов, гоняемые авиацией, укрылись на территории вокзала, придя на помощь неожиданно атакованным товарищам. И противостоять бронепоезду они посчитали более логичным действием.

С громкими криками и ором, враги толпой бросились на наш состав снова. Засверкали пули, пролетевшие сквозь щели в бойницах, громко закричал боец, не успев укрыться от обстрела. Мы снова поднялись к бойницам и продолжили вести ответный огонь по нападавшим, которых успели заметить. Какой-то лидер громким голосом призвал неприятелей, и после его речей они бросились на поезд с удвоенной силой, выбегая из дымовой завесы. Тем временем состав медленно-медленно двигался назад, набирая свои обороты, но бандитам такая скорость позволяла напрыгивать и пробираться внутрь.

– Отряд, ближний бой, – закричал Татаров. – Штык-ножи готовы!

Солдаты, как я и другие члены экспедиции, взяли прикрепленные к поясу штык-ножи и насадили их возле дула, складывая приклад автомата для лучшего маневрирования в узком пространстве поезда. Никита скрылся в глубине вагона, давая возможность профессиональным солдатам принять ближний бой, и для прикрытия взял в руки пистолет-пулемет. Все это время где-то вдалеке слышалась стрельба вертолетов, которые вели огонь и продолжали загонять всех бандитов в здание вокзала.

Бандитов становилось всё больше и больше, с громким криком, они отчаянно неслись на поезд и уже ничего не боялись. Пулеметчики поезда, включая Ивана и Сэма, перешли на непрерывную стрельбу, но этого все равно было недостаточно. В ушах звенело и гудело от грохота, иногда я переставал слышать окружающее пространство. Все происходящее вокруг превращалось в ад – кровь, крики, звенящие над головой пули. Бандиты запрыгивали в окна вагонов, используя подручные материалы для разрушения некоторых бойниц, прыгали на входные двери и места стыка между вагонами, постепенно пробираясь внутрь.

Поезд тем временем отъезжал все дальше, разгоняясь задним ходом. Солдаты схлестнулись в ожесточенной схватке в ближнем бою, не давая бандитам возможности зажать нас, но до моей позиции они не добирались.

Один из бандитов сломал бойницу и залетел в окно между мной и Татаровым. Ни минуты не думая, я вонзил ему штык-нож в грудь, пока тот не успел подняться. Враг замер, его челюсть отвисла, а изо рта с хриплыми воплями стали вылетать кровавые брызги. Я выдернул штык-нож и меня полоснуло с ног до головы кровью убитого врага. От увиденного мне стало не по себе, тошно и одновременно страшно.

Татаров заметил это, схватил меня за плечо, повернул и сказал, глядя в глаза:

– Не спать, боец! Бой ещё идет!

Его слова подействовали на меня, словно маяк в крошечной тьме. Я снова начал мыслить и включать свою голову. В этот момент, к Татарову подобрался сзади один враг и уже был готов нанести удар, сам военный противника не видел. Я развернул автомат со штык-ножом в сторону него, он сразу же понял, что за ним кто-то есть, и нагнулся, давая мне возможность пройти вперед и проткнуть противника, что я и сделал.

Солдаты дрались как львы, но бандиты брали своим количеством, нападая по несколько человек на одного солдата сразу, отчего тот не выдерживал натиска. Некоторые бандиты стреляли по сломанным окнам снаружи поезда, но, в основном, их попадания приходились на бронешиты и средства защиты. Становилось все жарче и жарче, в глубине души я все надеялся, что когда-нибудь количество наших врагов упадет и ждал, что к нам придут солдаты второго отряда. Меня очень волновало, что в один момент какой-нибудь бандит все же выстрелит из РПГ и наш поезд полыхнет ярким пламенем.

Мы выехали за пределы дымовой завесы. Внезапно подбегающим к нам бандитам начали стрелять в спину. Это был второй отряд солдат, который пришел к нам на помощь, смыкая тиски нашей атаки. В рядах бандитов началась паника и суета, а затем они и вовсе побежали в разные стороны, игнорируя приказов.

– Куда, куда все побежали? – вскричал командующий бандитами, который засветил свое положение – он пролез в поезд и уже начинал драться с солдатами оружием ближнего боя. Путь ему преградил Никита, однако главарь с одного удара в живот отправил его в нокаут. Никите повезло, и он улетел прочь с его пути, оказавшись в относительной безопасности.

Это был здоровенный и мощный враг, который штурмовал вагон – солдаты с ним справиться не могли. Иван покинул свою пулемётную точку, усадив вместо себя солдата и, раздвигая товарищей и перешагивая через убитых, кинулся сражаться с главарем бандитов лично, когда тот уже убил двоих в ближнем бою, и вскоре, встретился с главарем лицом к лицу. Враг увидел, что Смольников был вооружен, и резко сократил дистанцию, выбивая ногой из рук его автомат. В свою очередь, Иван вмазал ударом ноги главаря, отчего тот повалился и выронил свою, но после бандит вскочил на ноги и разъяренно бросился на парня, начав рукопашный и беспощадный бой из двух мастодонтов.

Каждый из них наносил удары, намереваясь одолеть врага. Силы были примерно равны: в считанные секунды бойцы разворотили друг другу лица, разукрасили руки кровавыми красками кулачного боя и ни один не собирался отступать. Иван, навязав борьбу, вместе с противником выбил промежуточную дверь в вагоне с амуницией, и они продолжили дубасить друг друга, круша все вокруг. В какой-то момент главарь бандитов выдохся, Иван воспользовался этим, и повалил его так же, как это он сделал с Сэмом, а затем взял его на удушающий. Главарь сопротивлялся до последнего, но стальные тиски русского медведя не щадили никого. Спустя время бандит потерял сознание и вырубился, но Иван не стал его добивать, а просто оставил валяться на полу без сознания.

Поезд, оказавшись уже вне территории вокзала, остановился и снова двинулся вперед. Живой силы противника в поезде становилось все меньше и меньше, некоторые просто выпрыгивали из окон, боясь смерти от наших рук, а другие сдавались, поднимая руки вверх.

Территория вокзала снова предстала перед глазами, и поезд наконец окончательно остановился. Вокзал теперь контролировали силы военных, которые арестовывали сдавшихся в плен бандитов, и можно было с уверенностью сказать, что бой за вокзал был окончен.

Татаров вышел из вагона и глубоко вздохнул, осматривая поезд снаружи, а затем достал рацию и начал что-то говорить в неё.

Раненых солдат оказалось немного, в основном были погибшие. И погибли они, в большинстве, от ножей и тяжелых ударов в ближнем бою. Вагон был завален трупами бандитов, но среди этих трупов было немало и солдат.

Отворилась дверь локомотива, из него вышел взволнованный Владимир, а за ним и два солдата, вытаскивающих Салмана с тяжелыми ранами от пулевых ранений. Кровь лилась из-под бронежилета густым кровавым потоком, а сам парень уже был без сознания.

– Дорогу, дорогу, – говорил Вова. – Приготовьте мне место в одном купе, надо доставать пули, нужна кровь для переливания.

– Сейчас, сейчас... – сказал я и побежал бегом в вагон.

Путь мне перегородил Татаров, у которого были ещё какие-то планы на нас:

– Не спеши, боец. Разведка обнаружила вход в ракетную шахту, мне нужна твоя помощь.

– Решается жизнь моего товарища, а свободных солдат ещё много, попросите их вам помочь, – сказал я и попробовал пробиться в вагон, но без успеха.

– Солдаты вымотаны, устали. Да и боевая численность второго отряда значительно уменьшилась, а ты в бою проявил минимальную активность и сохранил силы. Идем, нам пригодится ещё твой иностранный товарищ, он то вообще только за пулеметом сидел.

– Может, вы ещё и Машу возьмете, а затем растащите нашу экспедицию по фронтам? – с нервным раздражением вымолвил я.

– Нет времени для острот! Боеголовки могут взорваться в любой момент.

– А тут может умереть мой друг! – ответил ему я.

– Вот и решай – твой друг или мы все сразу.

Я посмотрел на умирающего товарища, затем снова на Татарова, и нехотя вызвал по рации Сэма, а через три минуты, мы бегом бежали ко входу в шахту: я, Сэм, Татаров и три солдата, которые ещё остались с нами, другие отправились ловить убежавших бандитов, помогать раненым и восстанавливаться. Никита пришел в себя и остался помогать Владимиру и другим солдатам в оказании первой медицинской помощи. Честно говоря, я не хотел бросать друзей но, по словам Татарова, боеголовки могли взорваться в любой момент, так что надо было спешить.

Некоторые оставшиеся бандиты сидели в жилом здании и, завидев нас, открыли шквальный огонь. Вертолеты быстро пришли к нам на помощь и перестреляли всех обороняющихся из пулеметов – путь был свободен. Мы пробрались внутрь здания, где лежали мертвые и недобитые бандиты. Татаров начал допрашивать их и потом сразу же убивать с определенной жестокостью, что оказалось крайне неожиданным с его стороны, мы с Сэмом были шокированы от увиденного. Наконец, Татаров сказал: «За мной, вход внизу» и пошел в подвал дома, мы отправились за ним.

Путь привел нас в небольшое подвальное помещение. Командир подошел к одному из щитков, открыл его, что-то покрутил, и одна из стен внезапно приоткрылась. Прикрывая друг друга, мы прошли в образовавшийся проём и какое-то время шли по неосвещенному темному коридору, пока не оказались в любопытном помещении. Здесь горел слабый свет, светились мониторы компьютеров и прочие смежные с ними механизмы. В кресле сидел человек, направив на нас оружие, чуть правее шел коридор, который оканчивался некоторым количеством больших стальных дверей, за которыми и находились боеголовки. Мы рассредоточились в помещении, используя часть аппаратуры в качестве укрытия.

– Так-так-так, какие люди, – вдруг заговорил Татаров, – профессор Василий Карлов собственной персоной. Это именно ты и открыл ракетную шахту, ты и погонял сбежавших заключенных.

– Хех, да, это я её открыл, – сказал Карлов с усмешкой, не переставая наводить на нас оружие. – Потому что не надо было сажать человека, который работал с боеголовками и знал каждую ракетную шахту страны, каждую лазейку в её системе безопасности! Вы думали так просто можно поиметь с ученого выгоду и отправить его куда подальше? Вы надеялись, что в тюрьме из меня выбьют весь мой ум? – сказал он яростно и высокомерно. – Ан нет, ошибка вышла! Своим человеком меня посчитали, так и знай.

– Да видно, что молодец. Хотел денег, да? Хотел революции, разрушений? Вот тебе и результат, – говорил Татаров.

– Нет, я просто видел правду и говорил её другим. Все остальное додумали уже другие персоны, разве не понятно? А что касается результата... Вы обещали нам вернуться обратно в ваш мир, снять с нас все преступления, если мы предоставим вам боеголовки. И что вы сделали? Привезли обещанный поезд только для того, чтобы перестрелять нас всех?

– Ты думаешь, мы купимся на твои слова? Твои боеголовки – это инструмент твоего устрашения, и не более! Ты просто террорист, который поставил кучу жизней на кон, чтобы вернуть себе свое!

– Да неужели? – усмехнулся он. – Те люди, что вы убили, хотели начать новую жизнь, с ними были даже женщины и дети. Захотели отыграться сразу на всех картах – и боеголовки заполучить, и опасных для системы людей завалить, да? А сейчас, своими боеголовками, вы надеетесь восстановить порядок и контроль? Сейчас после всего того, что произошло во всем

мире, когда вы не смогли его построить ещё до катастрофы? Когда своими действиями или бездействиями привели к зомби-апокалипсису? Проталкивали своих людей, продавали и покупали всё и всех, оставаясь при этом на свободе, а в тюрьмах оказывались мы – те, кто при жизни ничего не имели, а просто отстаивали свои права и свое место в жизни? Нет, мой друг, ничего не изменится, ничего у вас не получится, теперь наш мир играет по другим правилам.

– Я человек военный, слово чести, слава моей отчизны и безопасность простых людей для меня стоит всегда на первом месте. Я никогда не брал взятки, жил честно и исполнял свой воинский долг. А ты, как самовлюбленный бунтарь, теперь кидаешь мне свои угрозы и уверяешь, что поступил как человек, – кричал Татаров через все помещение.

– Да, ловко вы нам в спину зашли. Мы-то уже были уверены, что вы сдержите слова, что мы вернемся назад в цивилизацию на вашем бронепоезде, но нет, – сказал Карлов, пригрозив указательным пальцем, – вы были хитрее. Молодцы, одним словом! Умницы, елки! Знаешь, господин Татаров, запомни пожалуйста одну вещь: ты изменишь своё мнение по отношению к своему делу, когда встанешь на пути у кого-то действительно большого! – закончил свою речь Карлов и выпустил пару очередей по нам. Мы все пригнулись, но одна пуля угодила в ногу солдата. Ещё пуля попала в грудную пластину моего бронежилета, отчего я от неожиданности упал, но, поняв, что ущерба нет, вскочил обратно на ноги.

Татаров встал и нажал на спусковой крючок, но профессор ткнул ногой кнопку на полу, засверкали яркие вспышки свето-шумовых гранат, и все солдаты, включая меня с Сэмом, на время ослепли. Через некоторое время, когда глаза постепенно начали различать окружение, а шум в ушах проходить, мы все обнаружили, что Карлова в кресле больше не было, он убежал в тоннель и мы бегом отправились за ним в погоню. Профессор торопился, оставлял за собой открытые двери, через которые пробегали следом и мы.

Мы прошли через пару проходов, когда прогремел взрыв, и единственный туннель, по которому он ушел, завалило.

Какое-то время, мы осматривали ракетную шахту на поиски других путей, но таковых не было. Татаров вернулся в комнату с компьютерами, что-то посмотрел на экране мониторов, а потом выговорил:

– А у них, оказывается, не работал компьютер наведения, хотя ядерные заряды были на месте.

– И что же это значит? – спросил Сэм.

– Это значит, что эти боеголовки не будут летать и взрываться до тех пор, пока им не введут пароли расконсервации.

– А Карлов мог их знать? – присоединился к расспросу я.

– Карлов? Вряд ли, – добавил к разговору солдат. – Эти пароли меняют каждые полгода, а знать их могло только высшее руководство и ученый состав. Все уже давно умерли. Любой несанкционированный взлом, вскрытие или ошибка ввода пароля, – добавил солдат и изобразил руками взрыв, – бабах! Конец всему живому.

– Этот ученый сел в тюрьму больше шести лет назад за разглашение государственной тайны по поводу этих ракет, – продолжил Татаров, посмотрев на другой экран монитора, – Тоннель, по которому убежал Карлов, уходит далеко куда-то на запад и оборудован локомотивом для более быстрого передвижения. Надо изучить схему более подробно и прочесать возможные выходы из туннелей. Вот же умный, черт! – ударил он по столу.

– Ясно, хорошо, – ответил я. – Мы выполнили совместную часть операции, теперь мы едем дальше, в Уфу, – добавил я, и направился на выход вместе с Сэмом.

– Нет, так не пойдет, – остановил нас лейтенант Татаров. – Мы с вами должны поймать этого профессора. Без вашего поезда мы бы не справились и хотим дальше продолжить наземные операции на нем.

– Операцию мы выполняли только для того, чтобы освободить себе путь и помочь вам ликвидировать бандитов, мы договаривались. Этого вам было мало, и мы пошли обезвредить боеголовки, – продолжал говорить я. – А теперь мы займемся своей целью, экспедиционной, – закончил я, и мы стали уходить, но Татаров снова остановил меня.

– Хорошо, у вас есть автомобиль. Отдайте нам поезд, а сами езжайте на машине, без поезда нам не справиться.

– Товарищ Татаров, – заговорил я, постепенно зверея, – мы едем в Уфу не только для того, чтобы начать новую жизнь, у нас ещё есть исследовательская часть, ведь на кону множество жизней. Вы этого не видите, но мутанты начинают окружать наши города, они сбиваются в толпы и теснят нас! А без поезда нам, семерым участникам экспедиции, не справиться. Вокруг столько опасностей, а асфальтированные дороги завалены брошенными автомобилями, без бронепоезда нам не выжить.

– Мы не закончили нашу миссию, Карлов сбежал! – бросил мне Татаров в след, но мы к этому времени уже спешно отвернулись и ушли. Татаров злобно проводил наш уход взглядом и продолжил изучать схемы дальше.

К середине дня мы вернулись к нашему поезду, он был уже соединен с остальными своими вагонами. Возле него сидела Маша, рядом с ней находился Владимир, обнимая её одной рукой. Её глаза блестели, а лицо было страшно напуганным, Владимир же выглядел не менее напуганным, но больше расстроенным. Рядом сидел Никита и прислонялся к голове мешок со льдом. И тут я вспомнил, что Салмана тяжело ранили.

– Как Салман? – начал я разговор.

Вова посмотрел на меня и отрицательно покачал головой, а потом добавил:

– Не успели. В него всадили четыре пули, мне удалось их достать, но... он потерял слишком много крови. И солдат много погибло, – сказал Владимир, а затем, встряхнув головой, продолжил снова. – Идея с поездом – полная туфта, если честно, бандиты просто нас окружили и расстреляли со всех сторон. Если бы не этот второй отряд, нас бы сейчас не было в живых, у них там серьёзное подкрепление было, как сказали солдаты. Мы больше не будем принимать участия ни в каких военных операциях, так и передай это своему другу Татарову.

– Он мне не друг, – ответил я, понимая досаду друзей. – Я и сам больше не хочу, чтобы члены экспедиции страдали.

Из поезда выглянул Иван с расквашенным лицом и начал говорить со мной:

– О, ты вернулся. А мы вот, видишь... Пострадали немного, – говорил Иван, слегка несвязным голосом из-за сильных ударов по голове. – Как очухался, погулял в округе, сверился с картами, в общем... Обманул нас Татаров, обходной путь не был взорван. Он воспользовался нашим бронепоездом, а мы могли уже быть в Уфе.

– Татаров... – сказал я звереющим голосом, – он хочет забрать у нас наш поезд, чтобы дальше на нем участвовать в своих наземных операциях.

– Нет, ну это уже верх наглости! – добавил Вова. – Погибло столько хороших ребят, наш Салман, тоже погиб, а он! И нас обманул.

Мы выгрузили снаряжение солдат из нашего поезда, тела убитых, навели небольшой порядок. Позже, мы похоронили Салмана, как самого толкового машиниста нашего поезда и просто хорошего друга. На месте могилы, мы оставили деревянный столб с полумесяцем на конце, а ниже разместили табличку с нанесенными словами: «Вечная память члену экспедиции, шедшему во благо человечества».

Солдаты же погрузили своих убитых в мешки, готовясь отвезти их на вертолете домой, в цивилизованную часть человечества.

Когда мы уже собирались уезжать, ближе к вечеру, Татаров снова нас остановил:

– Куда? Я же сказал, мы ещё не выполнили задание, – закричал он, впадая в ярость.

– Товарищ военный, вы нас обманули. Обходной путь был, и ваша авиация это знала.

– Да, обманул, – ответил спокойно Татаров, будто бы ничего особенного не произошло. – Вы бы все равно не согласились нам помочь, но зато теперь бандиты нас больше не беспокоят...

– ... и хорошие ребята, – перебил я его. – Салман, наш самый толковый машинист, теперь лежит в земле! Ваши молодые солдаты, теперь тоже будут лежать в земле! Весь мир в труху, а вы людей цифрами мерите.

– Допустим, погибли люди. Да, без жертв не обойтись, но ведь теперь ядерные боеголовки не взорвутся и не будут запущены.

– А они и так бы не взорвались, господин Татаров! – повторил я слова солдата. – Для запуска системы наведения нужен специальный код, который знало только руководство, такова их особенность, разве не так?

– А как ты думаешь, кто был создателем ракет? – задал мне вопрос этот военный и после небольшой паузы добавил, – Создателем этих ракет и был Карлов. Ты думаешь, он бы не смог взломать их и запустить?

– Хорошо, вы оправдали сейчас смерть всех товарищей – нашего и ваших – вы большой молодец, ничего больше не скажешь. А теперь мы едем дальше.

– Нет! Да отдайте же нам свой поезд, у вас же машина есть. Мы бы дальше смогли штурмовать бандитские укрепления не только по воздуху, а ещё и на земле, – продолжал Татаров.

– Я уже объяснял, почему мы не можем этого сделать, – ответил я. – Вам приказали ликвидировать, а мы помогли вам, и только. У нас своя миссия и мы едем дальше!

– Ты хоть знаешь, что будет, если Карлов доберется до других ракетных шахт и что, если там тамошние боеголовки будут полностью боеспособны? А если он их запустит? – продолжал гнуть свою линию Татаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.